

Юрий Белиловский

Письма внуку

Каждый сам кувалда своего счастья (констатация)

Письмо 1

Здравствуй, Иван.

Давно собираюсь поговорить с тобой. Но жизнь субстанция непредсказуемая. Не получается. А когда это «не получается» длится уже год, другой, третий,.. то начинает тревожить мысль: а удастся ли вообще. По телефону всего не скажешь, да и тяжело в принципе дается мне общение с трубкой. Не вижу собеседника – нет смысла в диалоге. А монологи не люблю как издержку прежней профессии: сначала я у доски, потом они (студенты) по очереди на экзамене. Решил вот написать. Хотя этот жанр тоже не идеален: есть возможность промежуточной корректировки. Раз есть возможность, волей-неволей приходится ей пользоваться. А перфекционизм – он враг развития. Всякого. Повествования в том числе. Но раз «в четыре глаза» (так здесь говорят) не получается – пишу.

Мы с тобой в формате «чистое время» знакомы очень мало. Я помню, как сын позвонил мне и сообщил: «Ты - дед». Я не сразу и понял, о чем это. Был в Алма-Ате, только-только оставил семью (никогда не делай этого!) в Израиле и подался на поиски чего-то. Потом сын присылал мне твои фото: совсем маленький, побольше, в Болгарии... Потом вы были у нас вчетвером в 11-м или 12-м году. Осенью. Помнишь, ты еще кота шуганул с лестничной площадки четвертого этажа. Обошлось, кстати. Коту, если он в полете не наткнется на что-нибудь, всё равно с какой высоты падать: гравитационная составляющая и аэродинамическое сопротивление уравниваются при безопасной для него скорости витания. Я тебе сообщил тогда о благополучном исходе.

Потом я был в Москве ненадолго, ты как раз находился в медцентре с переломом, помнишь? Совсем короткая встреча. Та поездка запомнилась мне совершенно невероятной Дарьей. Мы были в цирке: мама, папа, Даша и я, и сестра твоя тогда разошлась не на шутку, зрители больше смотрели на нее, чем на арену. Китайцы в секторе вокруг нас пришли в чрезвычайно веселое воодушевление. Мне, честно говоря, было немного не по себе, я человек скорее сдержанный, чем открытый и эмоциональный. Короче говоря, запомнилось навсегда. А принцесса Даша поселилась в сердце как родное и самостоятельное создание.

Отец позже писал, что ты учишься с интересом, хотя с направлением этого интереса еще не определился. Я тогда отреагировал примерно так: «Чем позже - тем лучше». Это из жизненного опыта, статистика. Чем позже (разумеется,

относительно, в пределах срока, отпущенного на эту фазу жизни) определишься с выбором, тем осознаннее этот выбор. Не глобально, но более-менее в общем.

Как-то раз я наткнулся на твою страничку в соцсети. Там ты купал только-только народившуюся сестренку Арину. Так тепло стало! Я к своему младшему брату относился конечно по-братски, но, думаю, оставалось пространство для совершенствования. Условия жизни другие: дальний заполярный гарнизон, родители постоянно не дома (отец на службе в части, мама в школе), надо на улицу выбраться пока светло (зимой в три часа уже темно), а тут этот ползает: до стены доползет, головой стукнется, задумается – и обратно. Очень спокойный был ребенок. А здесь увидел, как ты с сестренкой... Да даже не это, а то, что ты и она – это семья. Стал к тебе еще и с уважением относиться. Помимо понятной дедовской любви.

А потом вы побывали у меня в гостях. Помнишь, мы были в Акко? И там случайную задачу по механике обсудили: арка, кладка, трение?... Мне понравился твой подход: не навскидку, а по-серьезному. Обдумал туда, обдумал обратно – и предложил концепцию решения. Тронуло. Наверно потому, что мой подход такой же. Из него (подхода) вытекают два других:

- Взятся делать – делай и сделай. Или не берись.

- Нет понятий хорошая работа и так себе работа. Есть работа. Это, правда и увы, производная от перфекционизма. По этой причине рекомендовать не могу. Но подумать есть о чем.

О чем, собственно, я собрался поговорить? О жизни. О подходе. Думаю, у меня есть основание поделиться с тобой соображениями по этому поводу. Это не наказ, не совет, не назидание - боже упаси. Даже если бы признавал за собой такое право, я не стал бы им пользоваться. Жизненный опыт подсказывает, что это бесполезно и даже вредно. Внимающий склонен к сопротивлению воздействию извне. Сопротивлению активному, если внимающий юн и полон сил и амбиций, и пассивному, но непробиваемому, если внимающий зрел и обладает собственным жизненным опытом.

Итак, о том самом основании (основании поделиться). Главное здесь – это приобретенный стереоскопичный взгляд на жизнь (это я о себе). Мне довелось прожить две совершенно разные жизни. Эмиграция как ножом делит жизнь на там и здесь. А если еще и жить и работать одновременно там и здесь, то эти жизни накладываются одна на другую, давая возможность сравнивать и оценивать их результирующие, равнодействующие и уравнивающие эффекты on-line. Не у всех есть такая возможность. Цена ее высока: две половинки жизни - одна без конца, другая без начала – взамен одной нормальной от начала до конца.

Есть еще одно обстоятельство. Хотя объективного взгляда на жизнь у индивидуума быть не может по определению (объективный индивидуум - нонсенс, не так ли?), у меня есть предохранители от крайностей в оценке некоторых частных, но очень важных жизненных проявлений. Во мне поровну смешаны две национальности, это предохраняет от впадения как в болезненный национализм, так и не менее болезненный великодержавный шовинизм. Были в свое время два таких популярных термина. По мне так это яйцо в профиль и анфас. Я писал в своем послесловии ко второй книге отца, твоего прадеда: «Кажется, тогда я вдруг открыл для себя, что в глазах окружающих еврей – это такой коэффициент, заведомо, пусть даже несущественно, меньший единицы, на который следует умножать характеристику обычного человека. Раньше я об этом не задумывался, а теперь (вдруг же) подумал, что мне придется время от времени примерять этот коэффициент на себя. Впрочем, когда ты, папа, как-то сказал мне: «Если для пользы дела нужно будет отречься от меня – отрекайся не раздумывая, - ты помнишь, что я ответил? – «Нет!». Нет, папа. И не потому, что я осознаю себя принадлежащим к какой-то особой касте. Вовсе нет. Чем бы я был, чем бы я стал, если отрекся бы от тебя даже в мыслях? Это не рассуждения, это природа. Нет! И когда я прибыл в эту страну, и когда я вдруг обнаружил, что этот коэффициент полагается здесь заведомо, пусть даже несущественно (ой ли?) большим единицы... Можно, конечно, оправдывать это естественной реакцией угнетенного (опять же, ой ли), обретшего наконец свободу. Но нужно же когда-то положить этому конец и отождествить этот коэффициент с абсолютной единицей! Ведь тот факт, что этого (положить конец) здесь, как и везде в мире, не происходит, указывает на то, что укоренившийся тезис о преимуществе здешнего мозгового вещества сомнителен. Как везде. А по существу – печально это всё. И гнусно». Кстати, Иван, прочти всё это когда-нибудь. Это история твоей семьи. Твоя история.

Так вот, возвращаясь к ПОДЕЛИТЬСЯ. Это просто взгляды на отдельные жизненные проявления. Взгляды как разрозненные, так и сгруппированные в смысловые блоки. Их особенность еще и в том, что они могут (должны, пожалуй) в той или иной мере отличаться от привычных тебе представлений об окружающей среде. И это, уверен, благо. Стереоскопичный мир интереснее плоского. Ещё раз: у меня нет стремления и желания навязать тебе свои взгляды (возможно, где-то по тексту они сформулированы как совет, назидание или указание. Просто так иногда удобнее акцентировать внимание). Пусть они поучаствуют как информационный и эмоциональный фермент в процессе формирования твоих взглядов на жизнь.

О знании. О науке. Об образовании

Был у меня когда-то в группе старший лаборант. Юра. Выпивающий (все мы были не очень трезвенники), толковый. Студент-заочник. Я через много лет узнал, что он дорос до уровня главного энергетика в Южказгеологии. Где сейчас, не знаю. Мы почти ровесники. Ну да ладно. Была у него дежурная побасенка. Два собеседника. Один спросил что-то, другой ответил. Первый, с негативным изумлением: «Ну ты и ответил!». Второй: «Ну ты и спросил!..» Звучит банально и даже пошловато. Но здесь заложена суть научного (да и всякого) дела: постановка задачи – это девяносто процентов её решения. В смысле: всякая корректно сформулированная задача будет решена. На детском языке: «Ответить-то всякий сможет, ты спроси как следует».

Это всё к чему? Не стесняйся сам формулировать себе задачи. Сначала локально в рамках общей задачи, сформулированной руководителем, потом узловую задачу, потом глобальную. Руководитель – он такой же человек, только он обычно лучше обучен (на данном этапе) и обладает более широким кругозором как минимум в рамках решаемой задачи (на данном этапе же). Не надо стесняться. Но не надо и выступать не будучи готовым. Просто будь готовым. Это и есть конкретная цель обучения. Сам определи для себя критерии твоей готовности к самостоятельной работе. И не стесняйся заглядывать в области, в которых, как тебе кажется, ты ничего не понимаешь. Везде существуют и творят такие же люди, как ты. И они, точно, не более состоятельны, чем ты. Не я сказал: «Науку делают аспиранты». Могу лишь подтвердить: это так. 25-30 – самый плодотворный возраст для эффективной работы. В общем, не сотвори себе кумира. Добавлю: стань им. Для себя самого, как минимум.

Этот ваш/наш Перельман – он и есть настоящий ученый. Я не о работе, которую он выполнил (я относительно далек от математики, увы), а о его подходе к её сторонней оценке: «Кто они такие, чтобы оценивать уровень моей работы? Я прав, я это знаю, а остальное неважно». Подход экстремальный, но для ученого единственно приемлемый. Увы, редкость. Кстати, к вопросу почему так много евреев среди ученых. У этих товарищей (я не об ученых) такой подход к жизни в крови (откуда – загадка): Я прав, а вы все девять миллиардов, идите лесом! Это помогает пробиваться в жизни, для ученого это основа мировоззрения... Скрепя сердце: в ученой среде это простительно. Но остальные с таким подходом – люди совершенно невыносимые. Как к этому относиться?.. Up to you.

Я, когда обнаружил в составе какой-то совместной постоянно действующей комиссии МФТИ президента (ректора) MIT, был удовлетворен. С одной стороны, это уровень (насколько я знаю, а я знаю, MIT – это лига, как здесь говорят, вот

недавно прочитал, туда же - <https://lenta.ru/news/2023/05/25/mit/>), с другой – это возможность. Сейчас, к сожалению, здесь есть сложности. Но время покажет. Просто надо быть готовым к жизненным зигзагам. Они случаются.

Для существования и развития образования необходимы несколько условий:

-Вовлеченность образования в структуру общества (образование откликается на запрос общества, создает систему знаний и умений и обращается к обществу с запросом на применение и развитие этих знаний и умений... и так в круговую, по хронологу: вперед и вверх).

-Общество как таковое и образование как его составная часть должны быть вовлечены в мировую систему максимально (лучше абсолютно). Если этого нет, то неизбежно отставание: приходится познавать и делать то, что кем-то уже познано и сделано. Отставание в образовании – это переход из «лиги» в группу А, В, С... Это не просто досадно, это напрасно прожитая жизнь.

-Образование – это деньги. Не в смысле заработка (хотя это в конце концов тоже), в смысле базы, на которой это образование зиждется. Я когда-то пролистал сайты ведущих университетов США. Фонды некоторых из них сопоставимы с годовыми бюджетами большинства государств на этой планете. А то и превосходят их. Это нужно всегда держать в поле зрения при оценке «хуже-лучше». Дешевле всегда хуже.

Небольшое отступление в порядке иллюстрации. Мы с товарищами делали здесь стандартный проект в технологической теплице. Четыре человека. Это 2012-13. Что такое технологическая теплица (Technological Incubator)? Израиль, как я понимаю, стоял у истоков этого феномена. Это группа инновационных (ключевое слово) проектов одного или близких направлений (медицина, хайтек – куда же без него, химия, биология, энергетика...), расположенных в одном (как правило) месте. Тематически между собой проекты не связаны, просто сгруппированы. По-моему, в недавнем прошлом в Израиле было три десятка теплиц. Сейчас – не знаю. В каждой теплице десять-двадцать проектов. Откуда проекты? Примерно так: У соискателя есть идея. К ней научное и технологическое обоснование. Хорошо бы практический задел. Очень хорошо - готовая но не ставшая пока патентом патентная заявка (патент здесь, как и во всем грамотном мире, это ипостась особой важности, по стечению понятных моему поколению обстоятельств оставшаяся без должного внимания в том мире, откуда мы родом – обсудим позже). Совсем хорошо – готовый прототип. Подаешь развернутую заявку на создание стартап компании, защищаешь её перед комиссией от теплицы, потом вместе с теплицей перед профильным министерством (обычно это Офис главного ученого министерства

промышленности – к этому вернусь), ждешь. В случае успеха/удачи получаешь шестьсот – семьсот – восемьсот тысяч долларов и два года на их реализацию. Иногда удается продлить это еще на год. Что такое реализация? Это готовая стартап-компания, способная к самостоятельному существованию и развитию. Важно, что в случае неудачи ты никому ничего не должен. А если стал на крыло, то рассчитываешься с государством примерно в объеме полученных от него средств. Ему (государству) не нужны ни твои гроши, ни твои миллиарды. Ему нужны налоги и рабочие места. Это (и только это!) его функция. Не слышал о коррупции. Хотя без нее, полагаю, жизнь на земле невозможна – это из уроков моей школы жизни. Но не слышал.

Возвращаюсь к этим стартапам. Выживают не все. Выживают, полагаю, 5-10%. Но выжившие с такой лихвой покрывают все расходы, что мало у кого эта система вызывает сомнения. Израиль – стартап-нация, доводилось слышать? От продажи инноваций (а Израиль по эмоциональным прикидкам выдает на гора до 20% мировых инноваций – это оценка примерно пятилетней давности) мы зарабатываем больше, чем от торговли оружием. А Израиль вполне себе милитарист, 7-10 место в мире по экспорту оружия. Да какого!.. Время от времени в обществе здесь возникают скандалы: почему мы распродаем все стартапы?! Ответ простой: а зачем они в статике? А будучи выведенными на открытый рынок: во-первых, это доход, во-вторых – престиж, в третьих – рабочие места (в них остаются израильтяне), в-четвертых, и это главное, на их место уже рвутся другие стартапы. Не случайно Израиль – один из немногих центральных мировых рынков венчурных инвестиций. Хаб. Как-то так здесь всё обустроилось. И никакими приказами сверху этого не добиться. Только мозги, руки, мотивация, конкуренция.

В порядке очередного отступления. Во время работы над предыдущим проектом (где-то 96-97 годы) рядом с нами работал молодой парень, только что окончивший Технион. Потом выяснилось, что их двое – братья-близнецы. Выходцы из Украины, по-моему. Главный - Игорь. Он рассказал, что на третьем курсе профессор в порядке шутки предложил им с братом в качестве семестровой работы создать алгоритм распознавания лиц (они программисты): «Я, -говорит, - вас различить не могу».

Набросали они программу, дальше пошло-поехало. Деньги под нее получили, успешный стартап создали. Они были одними из первых в мире в сфере Facial recognition technology. Последний раз я эту компанию видел на портале NASDAQ лет пятнадцать назад. Стоила она тогда уже полмиллиарда. Дальше, говорят, её под себя забрали американские силовики. Это прокомментировать не могу, не осведомлен. Здесь довольно часто приходится слышать серьезную шутку: «Тяжело заработать первый миллиард, потом легче».

Что в этой шутке серьезное? Посыл «Заработать». Не украсть. Хотя, конечно, нет смысла оспаривать известное утверждение Даннинга: «...при 300 процентах (прибыли) нет такого преступления, на которое он (капитал) не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы». Но лучше заработать. И интереснее.

Но я отвлекся. Проект наш был, на мой взгляд, весьма сомнительный. Мой хороший товарищ, доктор Анатолий Вишневский, успешный ученый и серьезный технолог-нефтепереработчик из Грозного (эмигрант оттуда, разумеется) предложил тему, близкую его профилю, но не бьющую совсем термодинамически. А она (термодинамика), я так вижу, если не мать, то надзирательница всех наук: с принципом сохранения энергии нельзя не считаться. Он бранился, кричал и топал ногами, но я его дожал (перфекционизм и занудство – это кистень ученого). И тогда он сказал ключевое: «Юра, ты хочешь лапу сосать? Я – нет. Начнем, а война – она план покажет». Я вовсе не хотел лапу сосать. Взялся за написание пояснительной записки к проекту. Проект здесь на начальной стадии оценивают несколько назначенных проверяющих. Мне эта стезя знакома, когда работал в Казахстане, довелось в двух инвестфондах исполнять функции входного технического эксперта. Нет никого, кто знал бы проект лучше, чем его автор. В каждом проекте есть темные места, задача автора обложить их обманками и слоями изоляции так, чтобы экзаменатор не докопался. Это не обман, это трюк - уклонение от свистящих пуль и косых сабельных ударов. Из собственного опыта (а я, как упоминал, зануда и перфекционист) знаю, что три этажа изоляции на темных местах гарантируют процентов на девяносто, что эта изоляция сработает. Четыре – наверняка. Я построил пять. И пару отвлекающих ловушек в виде неявных неточностей, которые отнимают много времени на их осмысление: «Ага!», но ни к чему не ведут: «Извините, опечатка». Деньги получили. Проект начали.

Собственно, всё это затянувшаяся преамбула. Суть – о деньгах в любом начинании, образование не исключение. Когда проект перевалил экватор, возникла необходимость в поиске и привлечении инвестора. Проект был довольно масштабный (я бы сказал, размашистый). В качестве партнеров предполагались DuPont и Honeywell (если будет интерес, можем поговорить, в чем достоинства и недостатки таких партнеров). Так вот, мы связались с бизнес-школой Росса (Stephen M. Ross Business School of University of Michigan), представили наш проект, и оттуда к нам приехали четыре парня-мастеранта и их руководитель, профессор. Два парня совсем молодые, еврей и индеец, двое постарше, к двадцати пяти. Одного из них запомнил: светлый, высокий, гибкий, точный в движениях и высказываниях. Холодные светлые глаза. Англосакс. Как-то разговорились, он сказал, что служил в Ираке в спецназе. Американском,

естественно. -«А что не пошел по военной стезе?». - «Там, конечно, круче, но если хочешь что-то сделать, а не сломать, то это место здесь. Да и интереснее». Примерно так.

Добрался, наконец, до сути. Это их, Ross Business School, метод получать образование. Находят партнеров, чей проект ищет выход на рынок, обрабатывают его в соответствии с американскими (или мировыми, что то же самое) стандартами и ищут и находят привязки к рынку в США или там, где этот рынок есть. При благоприятном исходе продолжают сотрудничество с проектом в карьерном плане, нет – курсовая или дипломная работа все равно на руках. Эти хлопцы потом побывали для нас и в DuPont, и в Honeywell. Слетали в Индию и Китай. Я поинтересовался потом у их профессора, во что им это обошлось. - Тысяч в сто пятьдесят долларов. Он даже удивился: А что? Образование дело не дешевое. Совет попечителей денег на ветер не бросает, но не жалеет. А эти ребята подрастут, после первого миллиарда сами в совет войдут. В общем, суть и масштабы такие. Состязаться сложно. Этого парня-спецназовца я потом обнаружил на позиции аналитика в Accenture. Это очень хороший карьерный старт.

Я это рассказываю потому, что эти впечатления после предыдущей жизни были для меня не просто яркими, они были совсем новыми. Абсолютно. И остались по сей день вполне свежими: хорошая база для сопоставления, а следовательно, познания.

Еще немного на эту тему. Я четыре года отработал исследователем в Технионе. Я об этом писал в своих воспоминаниях, потому не углубляюсь в содержание работы. Это здесь:

<https://yurbor.wixsite.com/orthogrammer/biograficheskaya-spravka>

Я о другом. На второй год работы мои товарищи из родного Алматинского энергетического института попросили меня убедить руководство Техниона передать им списанные компьютеры. Тогда, в 94-95, эта тема была очень злободневна, а я до этого написал домой, что здесь на моих глазах второй раз за два года меняют оборудование большого компьютерного класса (в те годы это был недостижимый для Союза уровень). Сейчас я не стал бы этим заниматься: несолидно это, не по-взрослому. Тогда же система жизненных координат абсолютно разбалансировалась. В общем, попросил я своего куратора Якова Гольдмана свести меня с профильным проректором (зам. президента) Техниона. Суть ответа от проректора: «Нет. Не жалко, но неудобно. Не можем мы своим коллегам посылать то, что подлежит списанию и уничтожению. Вопрос: «Но вы же в школы отправляете это хозяйство?» Ответ: «В две наши подшефные школы мы

покупаем то же, что и себе. А иногда и чуть более продвинутое. Нам-то устав и бюджет экстравагантные поступки не позволяют, а в школу можно. И как можно покупать им старье? Они же к нам учиться придут. И как мы будем друг другу в глаза смотреть?»

Это было четверть века назад. Другой подход. Противоположный. Не сомневаюсь, что в твоём лицее был близкий к этому, технионовскому, подход (потому этот пример, возможно, не очень тебя впечатлит). И в Физтехе тоже. Но сколько вокруг таких лицеев и сколько физтехов?.. Увы.

Еще раз: для меня все эти картины были и остаются очень, абсолютно, контрастными, потому что сосуществуют с сопоставляемыми картинами такой же ясности из другого мира. Сказал бы антимира, но это как-то и банально, и фатально. Не претендую на объективность, но это потому, что нет в мире ничего объективного. Философы утверждают, что время объективно. Но и это, пожалуй лишь потому, что никому не удалось зафиксировать его начальную и конечную точку. Так, течет что-то мимо...

Как-то раз в бытность мою в Технионе Яков Гольдман позвал меня посмотреть, как происходит здесь защита дипломного проекта (скорее, дипломной работы). Защищался на вторую степень (магистр, пожалуй. Третья и верхняя – это я, PhD) парень лет двадцати пяти-семи в летной форме. Летчик-истребитель, по-нашему примерно капитан. Невысокий, подтянутый, с несколькими орденскими планками и нашивками за победы. Здесь это элита. В летной школе конкурс фантастический. И отсеив уже по ходу обучения 9:10. Напряжен он был очень заметно. Когда комиссия проголосовала «За», расплакался. Яков объяснил: «Четвертый год защищает. Три предыдущих - не смог, завалил».

Я попытался перенести этот сюжет в домашние условия. Получилось вот что. Старший лейтенант Госавтоинспекции Барибек Азмуханов, командир взвода сопровождения VIP-персон, мой студент-заочник-выпускник (почти все гаишники-дорполовцы получили заочно высшее образование в нашем энергетическом институте: во-первых, расположены по соседству, во-вторых, к ним когда-то ушел служить наш выпускник, ныне – на тот момент – подполковник, проторил дорогу), подошел ко мне: «Юрий Борисович, меня вот на преддипломную практику на ТЭЦ-2 направляют». – «И что? Поезжай на ТЭЦ, я позвоню Ахату, главному инженеру, он тебя по-быстрому проведет везде, отчет напишешь, зачем». – «Я уже съездил. Мигалку включил, по станции проехал. Пыль черная. Грязно как!» – «Что хочешь-то?» – «Дайте отчет готовый, а». – «Преддипломные отчеты все пронумерованы и в ведомости зарегистрированы. Есть те, что первокурсники делали, с ознакомительной практики. У меня вот пара завалялись. Возьми, перепиши.

Читать все равно никто не будет». –«Давайте я просто обложку заменю. Переписать не смогу. Я в жизни ничего длиннее протокола не писал». –«Черт с тобой, бери».

Барибек оторвал обложку, взял новую бумажную заготовку: «Что писать?» - «Пиши: Отчет по преддипломной практике.., - я следил за тем, как он водит ручкой по листу бумаги: «Приде..., преди...». «Юрий Борисович!.. Я не могу это написать!» -«Ладно, давай сюда. Иди, сам отдам секретарше»... У него тоже, кстати, была на кителе пара наградных планок. От этих джигитов все мы имели понятную пользу, машины были практически у всех преподавателей. И не всем понятную тоже: если кто-то вдруг загулял на работе (случалось), а домой нужно вернуться, то были два варианта: вызвать того же Барибека, и он отвезет, или вызвать Барибека с кем-то из его сослуживцев, тогда можно было вползти за руль собственной машины, а они с мигалками (один впереди, другой позади) сопровождают до указанного адреса. Как они умудрялись при этом выдерживать дистанцию – загадка. Награды на груди, судя по всему, были заслуженными.

Не сомневаюсь, что Физтех не такой. Но Физтех – беловатая ворона из небольшой стаи. А система – она такая. Имитационная. Увы. Так что, если заметишь или почувствуешь проявление имитационности, делай стойку. Избегай в любом случае. Это засасывает, развращает и уничтожает. Вместе со всеми превращаешься в ничто. Просто на общем ближнем фоне это не заметно совсем. Если еще и дальний фон занавеской прикроют, к чему всё очень быстро идет, а собственный мерный инструмент или пришел в негодность от демобилизованности, или просто не успел возникнуть – точки отсчета нет. И если вдруг придется когда-то столкнуться с остальным миром (как это произошло с нами в конце восьмидесятых) – ученые, артисты, спортсмены... Окажется, что всё, чем ты гордился, в лучшем случае второй сорт. Я знаю этих людей (многих уже нет), я сам это пережил. Догнать можно, никто не мешает. Но для этого нужно находиться в среде, где все это существует. Там можно догонять. Заочно и удаленно – нет, это тоже имитация.

...Вот сформировалась ассоциативная цепочка Технион-Физтех... Когда я работал в Технионе, был у меня хороший приятель Гриша Токер. Чуть моложе меня, большой, бородатый, чуть флегматичный (вполне типаж из фильмов недалекого тогда прошлого об ученых). Специалист в области визуализации турбулентных течений. Как-то он сказал мне: «Написал в НАСА, пригласили в Канаду поработать. Поеду, наверно». –«А здесь что? У тебя вроде всё на подъеме. Вряд ли там уровень выше». –«Примерно то же самое, был я у них недавно». –«А что?» -«Да надоело здесь всё! Сидят жирные, черные, с утра до вечера кофе пьют, ни хрена не делают»...

Гриша улетел в НАСА, я подался в Казахстан. Прошло лет десять. Как-то раз, будучи в Израиле в отпуске, зашел я в Технион. Повстречался с коллегами, кто еще работал там. И встретил Гришу. Случайно. –«?!» –«Поработал я там три года. Надоело всё! Сидят жирные, белые, с утра до вечера кофе пьют, ни хрена не делают»... Как говорится, кому-то щи жидкие... Увы, Гриша теперь здесь: <https://plasma.technion.ac.il/in-memory/>

А вот ещё ракурс, ссылка на заметку, я когда-то прочитал. В медицине я, слава богу, ничего не понимаю. Но когда отсепарировал конкретику и представил общую картину (для ученого, кстати, это необходимый и неизбежный инструмент) - всё один в один:

<https://lenta.ru/articles/2016/05/23/doktor/>

Почему так? И откуда всё это берется? Эти вопросы появились у меня после эмиграции. Не сразу. Сначала я относился скептически к тому, что видел вокруг: что тут особенного? Тем более, что обнаружил в библиотеке Техниона некоторые из своих статей как в оригинальных каталогизированных журналах на русском, так и в более-менее детальном реферированном переводе на английский. Здесь всё это переводят (рефераты как минимум). А потом и с первого захода на спор опубликовал в Heat and Mass Transfer довольно обстоятельную статью на базе экспериментальных исследований ещё из Алма-Аты. Местный старичок Элиэйзер помог с переводом с моего английского на английский, понятный заинтересованному читателю. А потом углубился в то, другое, третье... Поучаствовал в экспериментах на очень серьезном оборудовании (коллеги из ЦАГИ приезжали, цокали языками), познакомился с измерительными инструментами и приборами, с организацией исследовательской работы в целом... Увы. Доканало, когда кто-то мне сказал, что есть пакет программ CFD (computerized fluid dynamics), которые все мои экспериментальные работы могут с той или иной достоверностью повторить. Не то чтобы я был против, просто у нас считалось, что это невозможно. Не дорос мир до лобового решения уравнений Навье-Стокса. То, чем я занимался, это довольно сложные турбулентные струйные течения: ограниченный сносящий поток прямоугольного сечения (эффект формы присутствует в отличие от безграничного потока и в какой-то мере от потока, ограниченного цилиндрическим каналом), вдуваемые поперечно струи, как одиночные, так и несколько параллельных... Ну, не суть. Наудачу попросил коллег-теоретиков обсчитать. Те заинтересовались. Для официальности предложили группе студентов задачу в качестве семестровой работы. Технионовский компьютер задачу с одиночной струей решил, систему струй не потянул. Это я уже потом узнал. Студенты взяли очередь в том самом MIT, с которым Технион партнер-побратим. Их компьютер решил и систему. Я было

обнаглел и попросил учесть еще и химическое взаимодействие – горение (вообще-то в прикладном смысле это течение в смесителях камер сгорания газовых турбин или аналогичных устройствах), но не было времени и ресурса корректно сформулировать задачу, сам я горением никогда углубленно не занимался. Впечатлило. В Союзе слышали, что кто-то где-то это пробует делать, но не верили: не может быть... И вот те на, студенческая семестровая работа. Три десятка лет назад...

Так в чем же дело? Экономика, наука, образование... Всё это составные части социума. И развиваются они так, как развивается этот социум. Ожидать, что это может быть как-то по-другому, нет никаких оснований. Так же, как нет никаких оснований полагать, что уж военная-то техника здесь/там дома - о-го-го! Хотя всё, что делаем руками, в лучшем случае второй сорт. С чего бы вдруг о-го-го? Лучше, правда, не проверять. Это не о политике, тьфу-тьфу. Это о диалектике. О причинно-следственных связях.

Не уверен, что удастся донести до тебя точный смысл сказанного в этом блоке. Для тебя это выхваченные из жизни эпизоды, не обязательно связанные с ней. Для меня – индикатор сложившейся картины, моё восприятие. Мог бы взять любые другие. Как я уже говорил, надеюсь, примешь к размышлению.

Отступление. О политике. О терминологии

В порядке терминологической справки. Политика – это сфера деятельности, целью и объектом которой является власть. Соответственно, политическая партия, политик – это субъекты политической деятельности. Цель – власть. Это надо понимать. Не следует произвольно расширять терминологические понятия, нужно следить за тем, чтобы этого не происходило в процессе как самой деятельности (если вдруг доведется), так и ее обсуждения. В противном случае появляются условия для манипуляций и, что не лучше, неоднозначного восприятия и оценки происходящего. Все проблемы в мире от терминологии – базовый тезис науки. «Верно определяйте слова и вы освободите мир от половины недоразумений». Рене Декарт знал, что говорил. К вопросу о терминологии еще не раз вернемся.

Существуют две (ограничимся этим) базовые системы функционирования общества:

Первая – это конкурентная система, в которой изначально заложена отрицательная обратная связь - ООС.

Note: Попробую определиться с терминологией: обратная связь здесь – это отклик объекта на действия субъекта, совершаемые в отношении этого объекта. Отклик этот направлен на инициирование в субъекте условий, способствующих изменению (или сохранению) характера этих действий. Это не безусловный рефлекс «лягушачья лапка – электрический импульс». Это условный отклик, возможный только в рамках системы, заранее построенной и поддерживаемой всей инфраструктурой «субъект-объект-среда». Примерно так.

В этой (первой) системе сосуществуют как минимум два конкурирующих субъекта управления, тем или иным образом выбранных торсидой. В идеале – избранных. Сосуществуют они так, что временное усиление одного из них автоматически влечет за собой появление и развитие сил, направленных на укрепление второго.

Note: Субъект – это в частности тот самый политик, единоличный или групповой. Надо понимать, что политику как человеку присущи все человеческие качества, основным из которых является инстинкт самосохранения: своя рубашка ближе к телу. Кроме того, нужно принять как данность, что политик – это исключительно плохой человек с точки зрения обывателя. Честность, порядочность, человечность, как обыватель это понимает – это не о нем. Для него они наполнены другим смысловым содержанием. И это не хейт. Просто в этот круг пробиваются только те, кто лишен человеческих слабостей. Другие отпадают по дороге. Он обаятелен. Он магнетичен. Когда он к чему-то призывает, хочется встать и немедленно идти и исполнять «беспрекословно, точно и в срок» (это из устава вс вс РФ), а то и умереть за что-нибудь. Надо найти силы сопротивляться этому. Представь его там, где не действуют волшебные чары навязанной или добровольно взваленной на себя нездоровой субординации, скажем, в общей бане. Физически он такой же, как ты, только как правило менее здоров. А умственно – ты удивишься: он в двадцати процентах случаев не более развит, чем ты, а в восьмидесяти просто недалек. И нужно понимать: он тебе не нужен, ты нужен ему. Ты, конечно же, можешь иметь намерение идти туда, куда он зовет. Но это должно быть твое собственное намерение и решение. И чем настойчивее он зовет, тем активнее должна срабатывать система предупреждения: Что Ему От Меня Нужно?!

Возвращаюсь: этот фактор (ООС) волей-неволей вынуждает упомянутых субъектов «лезть из кожи», «ловить мышей» - работать максимально эффективно. Нет – проваливай! Конкурент поможет, подтолкнет, шилом на печь заботливо подсадит. И придет время, это неизбежно, конкурент займет это место: ошибки и слабости имеют свойство аккумулироваться (Клаузиус и Нернст в рамках термодинамики свои соображения по этому поводу сформулировали). С этого момента начинается аналогичный процесс, только его участники поменялись местами. И так всю жизнь: туда-сюда, туда-сюда – вокруг какого-то общего вектора развития. Система эта медлительная: это ж туда-сюда, туда-сюда... Нет чтобы по прямой. Но результирующий вектор сориентирован вперед и вверх. Почему? Потому что «ловля мышей», хочешь – не хочешь, это движение от хорошего к лучшему. Нет – проваливай!

Вторая – это система, в которой нет конкурирующих субъектов. В ней нет «туда-сюда». Оно бы и хорошо, но у субъекта нет стимула «ловить мышей» - зачем? В системе, естественно, нет отрицательной обратной связи, просто нет второй точки для её приложения, нет той самой системы для ее (ООС) поддержания. А там, где ее нет, неизбежно существует неограниченная положительная обратная связь: всякое случайное усиление субъекта управления влечет за собой появление и развитие таких сил, которые направлены на укрепление этого самого субъекта (в этом случае вторая точка приложения не нужна). Вектор развития сориентирован здесь случайным образом либо равен нулю. Нет его. Термин есть, содержания нет.

Первая система выигрывает всегда и во всем (если отвлечься от пропаганды и трезво посмотреть вокруг). Есть одно НО. Вторая система имеет принципиальное преимущество в случае войны. Ибо решения во второй системе принимаются и исполняются существенно быстрее, чем в первой. А на войне фактор скорости принятия решения почти всегда важнее фактора правильности этого решения. Кто будет потом разбираться? Некому. Впрочем, как показывает жизнь, не всё так однозначно.

Я наверное немного пережал с эмоцией в этом абзаце. Это приобретенное: три десятка лет ушло на осознание такой простой на самом деле сути. Осознал. Вслед за этим возникла проблема коммуникации. Те, кто здесь родился, просто не понимают, точки над какими я пытаюсь расставить. Всё давно расставлено. Для них существуют только флуктуационные нюансы того, что я только-только начал глобально понимать и чувствовать. Основа – она существует в их сознании и

ощущениях на уровне безусловного рефлекса. А те, кто остался дома, они конечно же тоже способны понимать и порой понимают суть, но воспринимают это как природную аномалию. Или как сказку. Так мы воспринимаем тамошние фильмы: «Красотка»... «Рэмбо». Да, симпатично, да, привлекательно. А потом погаснет экран, в зале зажжется свет – и пора к станку, к лопате, к жизни. И коммуникационный мостик от ТАМ к ЗДЕСЬ мне построить не удастся. Даже к самым близким людям. Увы. Отсюда и эмоции. Ещё раз: у меня нет цели обращать тебя в какую-то веру. Просто держи глаза открытыми. Делать выводы и принимать решения предстоит тебе самому. А когда перед тобой только «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», был такой бросающийся в глаза эпиграф-призыв в колонтитуле всех современных мне центральных газет СССР, то сделать выбор невозможно. Просто будешь слоняться по миру и сгонять всех пролетариев в кучу. Не помню точно, но я наверняка был не старше тебя нынешнего, когда у меня родился вопрос, кто такие эти пролетарии и зачем их собирать в одном месте. Картинка довольно бестолковая. Есть много возможностей занять себя чем-то полезным. Просто эти возможности нужно уметь находить и анализировать. Этому нужно учиться. А соединять пролетариев... Не пошли бы они!..

Отступление. О религии. О вере. О терминологии

Еще одно отступление. Откуда возникла ассоциация – не могу пока оценить. Была в Союзе весьма популярная дискуссионная тема - «Наука и религия». Популярная не в смысле проявляемого к ней интереса - тогда (а сейчас?) вообще имели место серьезные разрывы между словом подуманным, словом произнесенным, словом написанным и их материализацией - а в смысле регулярности её, темы, появления в дискуссионном пространстве.

Эта тема для меня тогда интереса не представляла в силу интуитивно очевидной её надуманности. Интуитивно потому, что понятная (как я неосторожно полагал) сущность «наука» сопоставляется здесь с абсолютно незнакомой и враждебной (так было индуцировано средой моего обитания) сущностью «религия» и всем с ней связанным.

Тема эта, религия и вера, как-то прошла мимо меня на протяжении жизни. Отдельная вселенная. Не знаю, как ты к этому относишься. Однако тема вполне интересна как элемент мироустройства. Здесь лишь один маленький её аспект. И опять о терминологии.

Если принять определение веры как "...признание чего-либо истинным независимо от фактического или логического обоснования, преимущественно в силу самого характера отношения субъекта к предмету веры..." (это из Википедии, существуют и другие определения, суть которых примерно такая же), то религия это надстройка, политическая структура, целью которой (как и целью любой политической организации и политики вообще - по определению) является организация и управление сгруппированными носителями веры. А это что? Правильно, власть. Религия, если совсем вкратце – это объединение людей, исповедующих веру, и управление ими, т.е. их подчинение.

В таком контексте религия и государство очевидно отправляют одни и те же функции, а следовательно, во избежание конфликта должны быть разделены: либо то, либо другое. Разумеется, это до предела упрощенное представление, государство выполняет и другие функции, не присущие в общем случае религии: от сбора налогов до содержания армии и социального обеспечения. Но кто сказал, что религия как институт не может их выполнять? Указать пальцем? Это не очень далеко от того места, где я нахожусь.

К этому, собственно, и сводится мое отношение к существу темы. Если совсем тезисно:

Вера – с уважением как к любому проявлению свободы человека.

Религия – негативно. Это, разумеется, в условиях сосуществования этого института с параллельным институтом – государством. Три десятка лет наблюдаю изнутри за таким сосуществованием – ничего хорошего. Относился бы я к этому институту позитивно в отсутствие конкурентного института «государство»? Не знаю, не было случая проверить. Могу допустить. Как-то же должен социум управляться.

Итак, «Наука и религия». В свете изложенного такая связка выглядит нелогичной. Скорее «Академия наук и религия». Или, что возможно, «Наука и вера». Не такая уж абсурдная формулировка. С чего начинается научное познание? С «предположим, что...»... Далее следует обдумывание и структурированная обработка последствий из этого предположения. Качество и ожидаемая достоверность этой обработки зависит исключительно от уровня развития инструментальной базы: когда-то арифметика, потом алгебра... матстатистика и вариационное исчисление... что там дальше? Но исходным

пунктом всегда является «предположим, что». А это-таки (как говорят здесь) – элемент веры. Как-то так. Это к вопросу «Откуда ассоциация».

Ладно. Сделаю перерыв.

Будь здоров. Обнимаю.

Дед.

Письмо 2

Привет, Иван.

В первом письме я начал разговор о близких мне вещах: знании, образовании, науке. Продолжаю.

Когда я работал в технологической теплице, руководителем этой теплицы была очень порядочная активная деловая женщина. Назову ее Кира. Просто хороший человек. Мы с ней позже подружились. Моя ровесница (на неделю старше меня), из Западной Украины, в Израиле давно. Здесь получила образование, здесь служила в армии (майор в отставке). В армии руководила, насколько я знаю, учебными курсами.

В порядке внеочередного отступления. Когда я будучи израильтянином работал в Казахстане в двух крупных казахстанских компаниях, мне доводилось организовывать встречи руководства этих компаний с израильскими интересантами: промоутерами, бизнесменами, менеджерами, консулами, послами... Как-то раз был у нас в гостях известный израильский промоутер со спутницей. Вероника, землячка, эмигрировавшая когда-то в Израиль с родителями из Караганды. Молодая, красивая, стройная... воплощение женственности. Кто-то из коллег спросил: «А правда, что в Израиле девушки служат в армии?» Стандартный, банальный даже вопрос. - «Да». - «И вы служили?» - «Да». - «В каких войсках?» - «Военно-учетная специальность, так это, кажется, здесь называется – инструктор вождения Меркавы, это танк такой». Впечатлило. Хотя надо понимать, что инструктор и механик-водитель – это не вполне одно и то же. Не слышал, чтобы женщины служили в самых-самых боевых частях. Впрочем, не очень интересовался.

Возвращаясь к Кире. Завершив службу в армии, она возглавила одну из технологических теплиц под эгидой министерства промышленности Израиля. Была у истоков этой самой системы технологических теплиц. Киру часто приглашали с лекциями и мастер-классами за границу, нередко в страны бывшего СССР. Пару раз я побывал с ней в Казахстане в качестве эксперта-советника.

В 2013 году мы с Кирой подготовили для НАТР РК (Нацагентство по технологическому развитию – центр реализации инновационной политики) подробную методичку-схему развития технологических теплиц. До этого Кира выступила там с циклом лекций с тем, чтобы интересант узнал, о чем надо спрашивать и что просить, если возникнут условия. В 2014 (кажется) мы с ней побывали в РК с целью сделать по запросу НАТРа экспертное заключение по

существующим технологическим теплицам и технопаркам. Что мы оттуда вынесли? Во-первых, это яркое впечатление Киры от визита в головной офис НАТР в Астане: «Юра, там так красиво! И прекрасные грамотные молодые люди. Образование у всех европейское или американское. Три языка на уровне родного! Только почему их так много? Их человек сто, наверное. Я поинтересовалась у руководства, какой денежный фонд они обслуживают. По намекам поняла, что миллионов двадцать долларов. Но это же ничтожно мало! У нас офис главного ученого обслуживает примерно миллиард. И там девять человек работают».

А в 2017 году мы с Кирой выполняли авральную работу по заказу Минобразования РК. Авральную, потому что у Минобра подошло время отчета о расходовании 110 млн. долларов (или евро, не помню), полученных от Всемирного банка на внедрение системы центров коммерциализации и офисов трансфера технологий в вузах РК. Оказалось, что несмотря на наличие специального департамента, созданного в министерстве исключительно для обслуживания этой программы, там нет ничего. Совсем ничего, только страшно обеспокоенные сотрудники. Мы в спешном порядке написали концепцию, программу, схему и план ее реализации (то, что этот департамент должен был сделать года за два до того), ознакомились – где ногами, где по справкам - с состоянием вузов (слава богу, тема для меня знакомая и понятная).

Первым и сравнительно легким поводом для их паники оказался факт, что хоть и формально, центры коммерциализации в некоторых вузах они создали, а вот офисы трансфера технологий – нет. Мне, кстати, пришлось бороться с жутким неогаллицизмом: «трансферт технологий» - везде свои представления о прекрасном. Не преуспел. Оказалось, что «трансферт» они уже президенту представили. Ну да: маркетинг-менеджмент, инновационный-инвестиционный – какая разница? Красиво ведь. Приходилось и до и после с этим столкнуться. Это всё к тому же вопросу о терминологии. Так вот, в рамках специальной служебной записки мне удалось решить проблему. Чисто казуистическими приемами на двух страницах доказал, что центр коммерциализации и офис трансфера технологий - это в предлагаемых обстоятельствах одно и то же. Что делать? Надо было спасать коллег.

Остальное было сложнее. Нам представлялось правильным (и мы настаивали на этом) определить несколько базовых вузов, более-менее готовых для организации в них инновационных центров, и профинансировать их с последующим постепенным вовлечением в их орбиту остальных. Это мы отразили в своем отчете (вся эта работа отняла у нас месяца три). Дальше всё выглядело так. Начальник курирующего управления министерства пригласил нас и печально сказал: «Меня посадят».

—«?».

-«Как я отберу вузы, которые получают финансирование под эту задачу? Остальные немедленно жалобу напишут, придет комиссия. Посадят».

-«Вот критерии, вот вопросник, вот перед тобой эксперты, ответственные за правильность заключения».

-«Тогда посадят нас всех, но вы-то успеете уехать».

-«Какие предложения?»

-«Дать всем понемногу и поровну».

-«Какого черта давать этому университету, который пять лет назад был областным пединститутом и в котором нет даже научно-исследовательского отдела, не говоря о готовности к созданию стартап-компании мирового уровня?! Требование-то такое. Черным по белому написано в исходном документе. Вот подпись Всемирного банка, вот ваше министерство».

-«Нет, поровну и всем».

В этом месте мы с Кирой поставили точку в своей работе: «Вот вам отчет, вот вам схема работы, вот вам примерное относительное ранжирование вузов. Делите сами. Нам наше доброе имя дороже, обретаешь по крохам всю жизнь, теряешь мгновенно и навсегда». Собственно, от нас другого и не требовалось: иностранцы, личности сомнительные и чуждые. И слава богу. Свои копейки мы получили, как в контракте прописано. А под дележ пригласили эксперта из России. Не помню фамилию. Киселев... Кузнецов... Где-то в международных экспертных инстанциях фигурирует. Он с лёта дал местным товарищам понять, что с евреями дела иметь не стоит. Что-то они поделили между всеми, что-то между собой. Как принято. Потом был скандал (мне коллеги рассказывали). Это же Всемирный банк. Не бог весть что, но контроль там... Мышь не проскочит. Кого-то уволили, кто-то пострадал сильнее. К нам, слава богу, претензий не было.

К чему этот длинный пассаж? Здесь перед тобой конкретный образец имитационного подхода к решению конкретной задачи. Его атрибуты: нежелание и неумение брать на себя решение и ответственность за это решение. Это, впрочем, и невозможно: так устроена система. Такой подход возникает там и тогда, где и когда не знают, что и как нужно делать, причем учиться этому не хотят и не могут в силу ряда причин, основной из которых является несоответствие уровня развития субъекта деятельности и задачи, на которую этот субъект вроде как замахнулся.

С этим мы (я уже работал в тепличном хозяйстве в Израиле, ты там был у меня, помнишь?) столкнулись при обсуждении в Минсельхозе России и Сколково (в 2018, по-моему) возможных совместных проектов. Но это отдельный разговор. Будет повод – вернусь. Впрочем, суть та же: имитационность.

Резюме: Не трать ресурс на общение с теми, кто объективно не готов к такому общению. Если, разумеется, это не является твоей прямой обязанностью (я о педагогической работе с трудновоспитуемыми). В бизнесе (если вдруг так сложится жизнь) по возможности избегай совместных дел с государственными (квазигосударственными – чего только не придумают словоблуды) бизнес-структурами. Государственная бизнес-структура – это нонсенс. Но кое-где встречаются. Вот там и избегай. Я не к тому, что работать на государство – это нехорошо. Я о том, что бизнес не может быть государственным, а государство управляться бизнесом. Настрой чутье на имитационность (*) в деятельности. Избегай! Делать и сделать – это не одно и то же.

() Для понимания, что такое имитационность (такой обобщающий наукообразный термин получился): не знаю, как сейчас, а прежде, лет тридцать-пятьдесят назад (полагаю, что и раньше - от рождения Союза) в различных персональных анкетах была графа «Знание языков». Там для ответа были подсказки –подчеркнуть- по уровням: «родной язык», «высокий», «средний»... И наконец, «читаю и перевожу со словарем». Можно посчитать это безобидным лукавством: со словарем, хе-хе, но это попадало в статистические отчеты, на основе этого строилась система образования и формировались штаты силовиков, это, в конце концов, становилось предметом гордости: куда ни ткни – «страна всеобщей грамотности!» Когда жизнь заставила вдумываться критически, обнаружил, что анкетное «Знание языков» это цветочки, безнадежно пустые анютины глазки.*

Ещё. Из предыдущего явным образом не вытекает, но это существенное, если не главное: думай сам. Не полагайся на других. Потом можно, а порой и нужно обсудить, принять или перепринять решение, но думать двумя головами как единым органом думания невозможно. Можно привстать в групповой мозговой штурм, но это другое, это вторично. Первично то, что ты думаешь. А думаешь ты сам. В общем, коллектив это хорошо, команда – замечательно, но за всё, что с тобой было, есть и будет, отвечаешь ты сам. А если нет, то это так себе достижение.

Нас в свое время всеми силами спрессовывали в упорядоченные структурные единицы. Вспомнил вдруг, как где-то в восьмом или девятом классе выступали мы со сцены с большой литературно-музыкальной композицией.

Несколько классов. Девочки (у нас был целый музыкальный класс в школе) пели, ребята декламировали. То ли перед седьмым ноября, то ли перед двадцать девятым октября (это день рождения комсомола). Я участвовал в произнесении небольшого четверостишья (надо же, вспомнил):

*«Там, где трудно, там, где тревожно.
там, где сердце вот-вот разобьется,
там, где сталь сама не надежна,
неизменно там мы - комсомольцы».*

Помню ощущение: одновременно и восторг – мы одно целое - и неловкость – чего это я?

А потом нашел у Брехта обобщение по этому поводу. Глобальное. В вольном переводе примерно так:

*«Шагают бараны в ряд,
Бьют барабаны,
Кожу для них дают
Сами бараны».*

И не прокомментируешь.

И еще: если решил что-то делать, делай сейчас. Можно, конечно, и завтра, но это будет не то же самое. Это не просто потеря времени и темпа, это принципиальное изменение ситуации в системе «объект-субъект-окружающая среда» - timing, среда безвозвратно изменилась: наступило завтра. Это будет уже другое действие, другое событие, другой результат.

И к тому же. Этого я уже, кажется, касался, коснусь еще. Если есть возможность ознакомиться с альтернативным взглядом на изучаемую проблему, используй эту возможность. Я об этом: «Каким было бы мое представление об этом предмете, если изучение его шло бы таким путем?» Это помимо прочего дает возможность оценить сильные и слабые стороны аргументации и того, и другого пути. Не знаю, практикуется ли такое в Физтехе: одноименные лекционные курсы, базирующиеся не просто на разных методических подходах, а на разных научных истолкованиях объекта изучения. Думаю, в спецкурсах это может иметь место. Или в другом вузе. Или в другой стране... Почему это важно, полагаю, объяснять не нужно. В столкновении разных подходов рождается аргументация. А это основа науки. Для этого, разумеется, нужно время – а это критический ресурс: жизнь конечна. И необходим иммунитет от кулибиных. Это

достигается опытом. Ну и простым правилом: уровень источника упоминаемого альтернативного подхода должен быть не ниже уровня того, которым уже оперируешь ты. Кафедра общей химии саяногорского пединститута вряд ли соответствует этому требованию. MIT – скорее всего да. Это не фетишизация или кумирозация. Пусть не MIT, пусть что-то другое. В данном случае это индекс, нарицательный символ объективно максимально высокого уровня. Сегодняшнего, а лучше – перспективного. Впрочем, «перспективный» и «объективный» стыкуются неважно.

О патенте

Казалось бы, не крупная частная тема. Как посмотреть, однако... Немного терминологии. Иначе не найти взаимопонимания. Хотя это я уже говорил.

Новация - новшество, которого не было ранее: новое теоретическое знание, новый метод, принцип и т. д.

Инновация - это внедрённое/внедряемое новшество, обеспечивающее качественный рост эффективности процессов или продукции, востребованное рынком. Является конечным результатом интеллектуальной деятельности человека. В рассматриваемых границах, разумеется.

Интеллектуальная собственность - закреплённое законом временное исключительное право, а также личные неимущественные права автора на результат его интеллектуальной деятельности. Законодательство, которое определяет права на интеллектуальную собственность, устанавливает монополию автора на определённые формы использования результатов его интеллектуальной, творческой деятельности, которые, таким образом, могут использоваться другими лицами лишь с разрешения первого.

Патент на изобретение – охраняемый документ, выдаваемый на изобретение и удостоверяющий приоритет, авторство и исключительное право на использование в течение срока действия патента.

Возможны иные толкования. Суть при этом остается. А если не остается, есть повод для тревоги: что-то здесь не так, ищи подвох.

С понятием «Патент» я столкнулся только в Израиле. Разумеется, термин этот не был незнакомым, просто сам предмет, его суть были нам, советским, чужды. В Союзе патентов практически не было. Не были запрещены, как я понимаю, но и не присутствовали в свободном обращении. Были так называемые авторские свидетельства на изобретение. Вот цитата из ВП: «Авторское свидетельство — документ, удостоверяющий авторское право на изобретение.

Выдавался в СССР. В отличие от патента, авторское свидетельство не сохраняет за автором исключительное право на использование изобретения. Понятие было введено в «Положении об изобретениях» от 30 июля 1919 года. Выдавались до введения с 1 июля 1991 года Закона СССР «Об изобретениях в СССР», в рамках которого в стране была сохранена только одна форма охраны изобретений — патент».

В этом коротком абзаце сосредоточено объяснение трагедии, остановившей (ну ладно, затормозившей) развитие отечественной техники и технологии. В чем трагедия? Исключен основной элемент развития: личная мотивация. Ну и это еще один образец имитационного подхода: если не можем сделать что-то наилучшее (а требование к предмету патента – мировой уровень плюс чуть-чуть), сделаем неплохое, но много. Или плохонькое, но очень много. Впадаю в ненужное раздражение. Проехали. Но сколько сил и времени псу под хвост!

С 91-го года в этой сфере всё коренным образом изменилось, стало как везде. Изменилось ли? Будем надеяться, что да. Но то, что уничтожалось (и очень результативно) на протяжении нескольких поколений, не может быть восстановлено враз. Чтобы понять, о чем я, приведу выдержку из моего заключения по поводу ситуации с этим в Казахстане (это по итогам нашей с Киной работы с Минобразования РК, я упоминал раньше):

«...Несмотря на то, что защите интеллектуальной собственности в Казахстане уделяется серьезное внимание в административном плане, в реализации эта сфера очень далека от современного уровня. Это общая системная проблема. Инициаторы проектов, авторы изобретений больше озабочены получением финансирования, чем защитой IP (intellectual property). Существуют разработки, защищенные местными патентами, срок действия которых давно истек. При этом авторы не вполне отдают себе отчет, что в такой ситуации их проект уже не представляет коммерческого интереса, т.к. он становится достоянием общественности (Public Domain).

Патенты, о которых сказано выше – это исключительно патенты Республики Казахстан, чего, к сожалению, недостаточно для масштабной коммерциализации проекта. Не очень понятно, защиту от кого/чего предполагает такой патент внутри страны, поскольку, как правило, обладатель патента и без него является монополистом (единственным обладателем технологии)...

...Как уже упоминалось, если речь здесь идет о патенте, то практически всегда о патенте РК. Это обстоятельство базируется на логике «постепенности»: начнем с малого, дальше будем расти. Такая логика в корне

порочна! Любой патент подразумевает что-то новое, чего нет нигде в мире. Если это не так, то патентный поверенный, который занимался патентной заявкой, лукавит или не имеет необходимой квалификации, а автор патента, мягко говоря, не требователен к себе. Если же это так и упомянутый патент обладает мировой новизной и серьезной коммерческой ценностью, то очевидно, что по истечении регламентных двенадцати месяцев после его опубликования зарубежные конкуренты на законных основаниях смогут коммерциализовать его (скажем, наладить производство) за пределами Казахстана, и ценность патента для его владельца немедленно обнулится. Причина в том, что сфера существования патента РК – это рынок Казахстана, а рынок этот невелик...

...В ходе переговоров с представителями МОН и ОТТ выяснилось еще одно негативное обстоятельство. В Казахстане предусмотрено материальное вознаграждение за сам факт патентования. Автор патента порой получает что-то вроде «тринадцатой зарплаты» за опубликование патента. В значительной мере публикация патента приравнена к публикации научной статьи, что является одним из показателей состоятельности научного работника. Такой подход к интеллектуальной собственности существовал, в частности, в Советском Союзе. Но там практически не было патентов с их атрибутами, были авторские свидетельства на изобретение, авторы которых были полностью отделены от результатов их внедрения. Упомянутое неприятное обстоятельство базируется на недостаточно четко сформулированных положениях Закона Республики Казахстан «О коммерциализации результатов научной и (или) научно-технической деятельности». В Статье 9 Закона сказано: «К государственным мерам стимулирования, предоставляемым участникам коммерциализации результатов научной и (или) научно-технической деятельности, относятся ... «выплаты вознаграждений авторам за создание и внедрение (использование) результатов научной и (или) научно-технической деятельности». В Статье 13 Закона сказано: «Авторам результатов научной и (или) научно-технической деятельности, исключительные права на которые принадлежат работодателю, вознаграждение выплачивается работодателем в месячный срок с даты получения ими соответствующего патента или свидетельства о государственной регистрации прав на объект авторского права (охранного документа). Вознаграждение за создание результатов научной и (или) научно-технической деятельности выплачивается работодателем в размере не менее одной среднемесячной заработной платы, если иное не установлено договором между ними». Эта комбинация положений Закона подталкивает

автора новации идти по простейшему пути «зарабатывания вознаграждения «в размере не менее одной среднемесячной заработной платы» за «создание результатов».

...Такое «стимулирование» опубликования патентной информации – это прямой путь к разбазариванию интеллектуальной собственности, с одной стороны, и деградации уровня патентов (и их создателей) – с другой. Это совершенно недопустимо! Нужно откорректировать Закон так, чтобы исключить всё вышеупомянутое...».

Я процитировал здесь отрывки из отчета в расчете на то, что суть проблемы понятна без специального сопровождения. Хотел сначала воспроизвести всё изложенное эпистолярно или даже художественно, но к чему? Писал-то это я. И писал для чиновников – человек, существенно менее, чем ты, готовых к восприятию неодноэтажной логики.

Возможно, в России всё не так печально. Или не всё так печально. Рынок побольше (если это рынок), а рынок – это то место, где патент живет, это среда его обитания. Научный и технологический уровень повыше... Но можно полагать навскидку, что ситуация схожая. Вот, кстати, в качестве аргумента к схожести: «В России выдали патент на вечный двигатель»:

<https://lenta.ru/news/2022/04/25/perpetuum/>

Это один посыл к упомянутому аргументу. Вот второй: Парижская академия наук отказалась рассматривать изобретения ВД в 1775 г. Отстаем? Да, это общепризнано. На сколько? $2023 - 1775 = 248$ лет. Те, кто утверждают, что отстаем навсегда, посрамлены. Стёб, конечно. Но не выдумал же я эту ситуацию.

В порядке отступления. Термодинамика концептуально легко доказывает невозможность существования вечного двигателя. Термодинамика вообще лишает человека иллюзий и, как следствие, интуитивного оптимизма на уровне «А если всё не так?» Если когда-то возникнет такая мысль, оцени её перспективу. Не бросай сразу. Все мы в той или иной мере рабы стереотипов. Стёб-памятка новатору: Если ты совершил открытие – перепроверь. Если уверен, что всё правильно – проверь еще раз. И если теперь ты не нашел изъянов и на 100% уверен, что всё правильно и это действительно открытие – знай: ты ошибся. Я бы не стал посвящать ВД жизнь, но... кто знает (см. выше).

Возвращаюсь к IP. К чему это всё рассказано? Просто хочу обратить внимание на наличие жизненно важного инструмента. В конце концов, и волокуша годится для доставки груза. Но притороченные к волокуше колеса, а это уже другая сущность - телега, делают исходную волокушу неконкурентной. Для тебя этот вопрос, полагаю, совсем абстрактный. Вряд ли приходилось сталкиваться. Но он существует, влияя коренным образом на успех или неуспех. Заслуживает внимания и изучения.

И еще: что-то новое может родиться только там, где есть потребность преодолеть надоевшее старое. Это к тому, что усилием воли перепрыгнуть из каменного в информационный век, минуя промежуточные стадии, не получится. Надоевшее старое – это заполненные ячейки знания. Новое – обнаруженная или созданная ячейка, подлежащая заполнению. Одно без другого не случится.

Здесь, пожалуй, закончу тему. Всё рассказал, что знаю и могу объяснить? Не было такой цели. Если появятся вопросы или – оптимально - сомнения и возражения, обсудим.

Пока, внук. Обнимаю.

Дед.

Письмо 3

Привет, Иван.

Продолжаю. Немного смещу акценты, но в целом о том же: взгляд на жизнь.

О терминологии. О языке

Раньше я упоминал терминологию как достойный объект для осмысления или что-то в этом роде. Я когда-то задумался над не очевидным на первый взгляд положением: все проблемы в мире от терминологии. «Что русскому хорошо, то немцу смерть» – прикладной вариант сказанного. «Не шутите с терминологией, Антон! Терминологическая путаница влечет за собой опасные последствия» - это из «Трудно быть Богом», одного из самых актуальных, на мой взгляд, философских произведений. Потом привык, наука к этому располагает. Основное требование здесь при изложении и восприятии (а для чего излагать, если не для последующего восприятия?) любого материала: расшифруй терминологию. И порой глоссарий, список и трактовка терминов, занимает больше места, чем сам материал. А это ещё не вся жизнь, а всего лишь её сегмент - наука! И здесь обитают те, кто погружен в обсуждаемый предмет по самую плешь. Что же говорить о жизни в целом! Есть над чем задуматься, сделать выводы и сформировать и сформулировать руководство к действию.

И еще немного по теме. В русском языке очень много терминов, пришедших извне. К ним привыкли, мало кто обращает внимания на то, что их лингвистическая база чужая. В этом нет ничего плохого или странного. Слова, объясняющие объект, возникают там, где этот объект родился или впервые подвергся изучению. Особенность применения этих терминов в русском языке (думаю, в других эта проблема тоже существует) в том, что зачастую их изначальный смысл либо искажен, либо утрачен вовсе. Есть смысл изучать происхождение терминов как в содержательном, так и лингвистическом смысле. Мой стародавний приятель, восточный немец Лотц (он до перестройки закончил МЭИ), русский язык, естественно, знает хорошо, рассказывал мне, как он с целью интенсификации изучения языка ходил в кино, там посмотрел новеллу «Напарник» из «Приключений Шурика» и был озадачен: за обычное хулиганство человек получил пятнадцать лет! Естественно, что просматривая фильм и слушая диалоги, он улавливал далеко не всё, но суть этого диалога прораба на стройке и сопровождающего милиционера фрагментарно уловил: «...На сколько (на какое

время) вливается (к нам) товарищ?» - «На полные пятнадцать суток». – «Ага, полторы декады». !!. Лучше никого не потрясать, честное слово.

Есть проблема другого масштаба: Язык. Я не об иностранном языке, я о родном, native language, mother tongue... С русским языком у меня были кое-какие сложности года за два до окончания школы. Когда в перспективе передо мной замаячила золотая медаль (честно - не помню, как эта цель сформировалась), пришлось обратить внимание на язык. Где-то я об этом в своих воспоминаниях написал. В телеграфном стиле:

<https://yurbor.wixsite.com/orthogrammer/yunost-shkola>

Сейчас мои взаимоотношения с родным языком уже не так однозначны. То ли память поизносилась и не удерживает все его замысловатые и далеко не всегда логичные уложения, то ли потеря практики в эмиграции сломала доведенный до рефлекса автоматизм в трансформации мысли в фразу и далее в предложение, то ли просто приемлемо освоенные два других языка, имеющих абсолютно другие как синтаксис, так и логику построения фраз, наложились на родной и низвели тот самый автоматизм до уровня не исчезающего, порой болезненного сомнения – не знаю. Может быть, всё проще? Раньше предметом были исключительно научные публикации: статьи, отчеты, текст к авторским свидетельствам, материалы к отраслевым стандартам, вузовские учебные пособия... Здесь требования к языку вполне конкретные, хорошо структурированные и регламентированные. Чем короче и логичнее, тем лучше. Лирика запрещена, эмоции не поощряются. Единственное, но безысходное, как смерть, требование: единство и полнота терминологии. Желательно, конечно, не писать псевдонаучную ерунду, но это, скорее, из области морали и этики. Иногда это даже полезно для затравки и возбуждения потребности в дискуссии (она, в отличие от спора, может дать толчок к рождению если не истины, то взаимопонимания).

Теперь, когда возникли желание и необходимость изложить словами взгляды на жизнь (возраст, что поделаешь), тех навыков оказалось просто недостаточно. Вполне допускаю. Ибо здесь краткость изложения еще может явиться добродетелью, а вот отсутствие лирического и особенно эмоционального заряда – это уже недостаток. Это всё по поводу упомянутого «В жизни есть другая проблема: Язык».

Я, разумеется, пытаюсь не упустить ощущение языка, что в эмиграции непросто: общения или вовсе нет, или оно на примитивном уровне, далеко от того прежнего, необходимого для изложения двухчасовой лекции по термодинамике перед двухсотглазой и двухсотухой очень даже реактивной

студенческой аудиторией. Как пытаюсь не упустить? Перестебываюсь в сетях с блогерами, иногда с комментаторами-откликантами. Цинично, без интереса, исключительно с утилитарной целью. В порядке отступления отмечу, что даже эпизодические вояжи в сеть выявили два (как минимум) обстоятельства. *Первое* – чрезвычайная агрессивность русскоязычных откликантов. Интуитивно в цифрах 10/1 - что удастся крест-накрест оценить. Это вполне прослеживается и на примере Израиля, когда перестебываются одни и те же социальные группы откликантов по поводу, скажем, еврейско-арабских или палестино-израильских отношений. На русском и на иврите. Иврит я, конечно, знаю неважно. Но по общему впечатлению всё примерно так же. На английском-русском картина та же, хотя здесь труднее найти одни и те же социальные русско- и англоязычные группы, имеющие одинаковое отношение к какому-либо знакомому мне обсуждаемому вопросу (это я по поводу обязательного условия сопоставления: «При прочих равных условиях»). На этот счет (агрессивность) у меня есть мнение, но оно удручает до такой степени, что хочется разобраться глубже и найти этому рациональное объяснение. Или опровергнуть его, что было бы оптимально. Держу при себе.

Второе – это чрезвычайная же неграмотность откликантов и, совсем беда, авторов. Для меня это печально в прикладном смысле: ничтожный ресурс для поддержания языка. Ну и есть тревога относительно сохранения языка как одной из скреп (как это вдруг стало модно произносить), формирующей народ.

Не касаюсь основных российских телеканалов. Там уровень языка достаточно высокий, хотя, по фантомным уже ощущениям, лет тридцать пять назад языковые настройки были строже. Как говорил, я просматриваю материалы в сети, иногда комментирую. Занятие не самое высокоинтеллектуальное, но простительное: помимо упомянутого еще и привычка формулировать мысли пальцами на бумаге. Так вот, восемьдесят процентов (навскидку, конечно) прочитанного очень трудно понять. Грамматика – само собой, но бог бы с ней. Авторы не могут скомпоновать слова в предложение как законченную мысль, а предложения в смысловые блоки, доступные для понимания. Иногда попадают неожиданно грамотные абзацы, при этом соседствующая пара таких абзацев совсем не обязательно имеет смысловую связь. Автор скопипастил (прости, господи!) в удачном месте текстовые куски и перенес их в свою публикацию. В результате большая часть моих откликов сводится к банальному: Прекратите мучить читателя! Прекратите мучить язык! Это ведь одна из немногих реальных скреп, «...о необходимости которых всё время говорили...» Исчезнет (спаси и помилуй!) – другие скрепы не пригодятся.

Что обращает на себя внимание на тех площадках в сети, куда я иногда выбираюсь? Читателям практически «побоку» собственно язык как носитель смысла. В основном сразу трогают пальцем поверхность изложенного материала (вглубь не проникнуть) и выдают комментарий. Поскольку понять мысль автора написанного практически невозможно, то и комментарии эти, как правило, отражают отношение комментирующего к какому-либо слову из текста. В лучшем случае - фразы, если понятную фразу ему удастся найти.

Что в результате? Собеседникам уже не так нужен настрой на одну смысловую и эмоциональную волну. Достаточно откликнуться словом на слово, междометием на междометие, жестом на жест, лайком на лайк, смайлом на смайл... Локальная проблема уверенно перерастает в коллапс, не задерживаясь на промежуточных стадиях. Такое событие уже имело место в истории, правда, тогда по другой причине. Господь покарал ослушников и смешал язык их так, что они перестали понимать друг друга, изумились (хорошее слово) и мало-помалу рассеялись по всей земле. Сейчас ситуация другая. Господь, по-моему, махнул на нас рукой: делай что хочешь, хоть колпак с алмазами надевай. Рассеиваться только негде, занято всё.

А самый живой и глубокий русский язык я слышал (а) в устных рассказах Ираклия Андронникова и (б) в выступлении по ТВ (очень давно уже) болгарского старшеклассника на каком-то научном форуме. Вот так.

И еще раз: Это наш язык. Это наша естественная скрепа (прости, господи, еще раз).

Учись пользоваться русским языком. Кстати, будь готов к тому, что чем лучше ты будешь это делать, тем меньшее число окружающих будут тебя понимать (и доверять, что опасно). Хороший, кстати, способ фильтрации среды обитания: зачем тебе те, которые не могут двух слов связать? Если ты не политик, конечно. Тогда придется тебе сползать до их уровня. Нужно?

Но всё это лишь одна сторона проблемы «Язык». Она локальная, хоть и важная. Есть другая, глобальная. Язык как средство общения, коммуникации, а это его основная функция, несовершенен. С его помощью можно передать фактическую информацию, если заранее согласовать терминологию. Мы говорим одинаковые слова, но слова эти отражают разные материальные явления (это худо-бедно решается заранее оговоренным единством терминологии) и разные чувства. Последнее неразрешимо. Я пишу тебе: «Пришел домой. Взгрустнулось». Насчет «домой» я могу описать квартиру, обстановку, окрас и характер кота Василия... Насчет «пришел» - тоже несложно (если, конечно, это не исходная точка ассоциативной цепочки к «Взгрустнулось». Допустим, нет). А вот

«взгрустнулось»... Ты, разумеется, понимаешь, что мне стало грустно. И если ты отзывчивый человек, то попытаешься представить/почувствовать грусть. Все так делают. Но это твоя грусть. Не моя. Она другая. Чуть-чуть или в корне. Можно уточнять до бесконечности: тихая грусть, прозрачная грусть... Но и «тихая», и «прозрачная» тоже воспринимаются тобой и мной по-разному. Не в децибелах же и люменах на квадратный метр их измерять. Это как дальтоник и цветовой спектр. Но здесь хоть есть объективные критерии. Можно спектральную характеристику продиктовать дальтонику и пусть усохнет.

Я начал осознавать это в эмиграции: чужой язык, чужая ментальность. И никогда ты не сможешь в ответ на простую фразу «Вчера классно посидели» почувствовать то же самое, что и произнесший эту фразу. Даже если ты посекундно знаешь хронологию и содержание посиделки.

В общем, это можно долго описывать. Но, следуя предмету и сути изложения, это бессмысленно, поскольку пытаешься языком как инструментом описать то, для чего нужен другой инструмент. А его нет.

Люди, конечно, нашли выход. Просто на каком-то этапе молча принимают решение: согласовано. Выход ли это? Увы. Мир несовершенен. Но по меньшей мере есть чем заняться.

Да, кстати, учи язык. Капитально. Up to 'native' level. Еще один. Из изложенного выше не следует. Просто к слову пришлось. Впрочем, учи – это не то слово. Осваивай, овладевай, впитывай. Какой? Английский, конечно. Восемьдесят-девяносто процентов научных публикаций выходят на английском. Причина понятна: там жизнь, там работают. Что-то конечно попадает в перевод, но перевод - это всегда предмет манипуляций, да и не факт, что переводом займется специалист нужного тебе уровня. Съеденное, переваренное и выдаваемое кем-то за съедобное совсем не обязательно таковым является. Мне довелось с этим столкнуться сразу после эмиграции, когда начал работать в Технионе. Да, весь учебный материал здесь, разумеется, на иврите. Но много оригинальных учебников на английском (скорее американском). Какой смысл тратить время на их адаптацию? Пусть аудитория адаптируется. Все профессора, с которыми мне довелось общаться, говорят, пишут, читают по-английски, хотя, конечно, Барри Гринберг, один из соавторов в немногочисленных моих здешних публикациях, был в языке недосыгаем (да и в математике, судя по отзывам): всё-таки Лидс есть Лидс. Владеют английским очень многие студенты. Русскоязычные эмигранты, кстати, тоже. В первом поколении приемлемо, во втором – уверенно.

Здесь я осмыслил и осознал два факта.

1. Язык не подлежит переводу. Интерпретации – да, переводу – нет. Носитель другого языка – это другой человек, не такой, как я. Структура языка другая не потому, что он иностранный, а потому, что у носителя языка другая структура мышления. Он иначе видит мир, он иначе выражает свои мысли, и мысли его другие.

В порядке отступления – очень забавный, но тем не менее наглядный пример. Борис, твой дядя, когда был совсем маленьким (а прибыл он в Израиль за полмесяца до того, как ему исполнился год), начинал контактировать с миром по-русски: круг его общения ограничивался папой, мамой, бабушкой и дедушкой. В детсад он вначале не ходил, для младшего возраста он платный, а платить нищему нечем. Старшая группа детского сада – за год до школы – не только бесплатная, но и обязательная, ибо это еще и социальная адаптация ребенка. Здесь Борис довольно скоро заговорил на иврите, причем лучше многих местных. Дома приходилось умышленно много разговаривать с ним по-русски, чтобы он не потерял язык. Это преамбула. Вот суть. Однажды я делился с ним тем, что видел во сне. Потом начал рассказывать он: «Я сегодня снил...» Я хотел было его поправить: «Мне сегодня снилось...», но остановился. Почему он так говорит? Да потому что он так видит мир, он так думает – и то, и другое на иврите. Разумеется, там тоже есть страдательный залог в языке. Но действительный применяется намного шире. Один еврей как-то спел по этому поводу: «Не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он прогнется под нас». По-русски, кстати. Это отражение менталитета. И менталитет «я сню» на неизмеримую долю выигрышнее, чем менталитет «мне снится», он активный: «Это я сам делаю, а не по посторонней воле со мной происходит».

Возвращаюсь из отступления... Поэтому если тебе удастся хоть немного прикоснуться к этому миру, твой взгляд на него неминуемо станет объемным, стереоскопичным. И этим не просто грех не воспользоваться, этим преступно не воспользоваться. Хочу надеяться, что в той среде, где ты сейчас обитаешь, не на ура приживается нарастающая вокруг тенденция «поставим заслон». Всё это от того, что стать лидером у этих ставящих не получается объективно, а ведомым быть обидно. Но это менталитет лузера. Тебя это устраивает?

2. Я вдруг (или не вдруг) осознал, что казахи, мои казахские друзья, видят мир более красочно и глубоко, чем я. Почему? А они практически все двуязычны: казахский и русский на уровне родного языка. Резюме: сам решай.

Об истории

Даже не предполагал об этом писать, как-то само собой получилось.

Поздно или рано приходит время, когда у думающего человека появляется желание разобраться в том, почему всё вокруг развивается так, а не по-другому. А поскольку всякое развитие это процесс, а не замершее мгновение, то единственный путь разобраться – это проследить этот процесс от того, что было, к тому, что стало. При этом экстраполировать, т.е. прогнозировать, что будет дальше, я бы не решился: вероятность адекватного прогноза практически нулевая, да и кому и как результат этого прогноза оценивать? В любом случае велика вероятность оказаться в ловушке при такой оценке. История – сфера (хотел сказать наука, но что-то вынуждает сомневаться) существенно политизированная. Наша история политизирована абсолютно. Твоя прабабушка – моя мама – была преподавателем истории в школе. Закончила после войны Казанский университет, а потом моталась с отцом и сыновьями (это мой младший брат и я) по дальним – позже, слава богу, всё менее и менее дальним – гарнизонам и там, где удавалось устроиться на работу, преподавала всё подряд, включая, по-моему, астрономию. И лишь когда мы обосновались и укоренились в Алма-Ате, ей удалось вернуться к своим предметам: истории и обществоведению. Да, жизнь не очень её щадила. Она не роптала. Я, во всяком случае, ропота не слышал.

Так вот, помню, как мама с почти не заметной фрондой в голосе (так я сейчас это воспринимаю, тогда не придавал значения и не оценивал) делилась после обязательного совещания преподавателей-историков в райкоме партии (это КПСС, тогда это было именем нарицательным, поскольку альтернативы не было) перед новым учебным годом: «В этом году история будет выглядеть так...».

- «И история средних веков?», - это отец с подначкой.

- «И она...»

Это было давно, в прошлой-позапрошлой жизни. Что-то изменилось? Увы. Что изменяется при прогулке белки по внутренней огибающей своего колеса в аттракционе? Ну ладно, не белки, муравья по мебиусу? Кроме того, что тикают часы и утекает время, ничего. И это беда. Хотя... Когда не знаешь чего-то (и не догадываешься, что не знаешь), об этом не беспокоишься. Плохо, когда либо подсознательно чувствуешь: что-то не так (это происходит, когда не стыкуется логика взаимосвязи событий), либо догадываешься или знаешь, что знаешь не всё, а узнать недостающее негде, нельзя, небезопасно... Это большая беда, когда знать что-то небезопасно.

Довелось как-то в библиотеке Техниона пролистать учебник истории, полагаю, для старших классов, из Англии. Только пролистать, история – не мой предмет. В одном месте не то чтобы удивило, а стало эмоциональной кочкой: какой-то исторический факт из тех самых средних веков обсуждался здесь с трех различных, даже конфликтующих, точек зрения и от имени нескольких (конкретных, не безымянных) экспертов-исследователей. Не исключаю, что это был учебник (или пособие) для спецклассов с углубленным изучением истории. Наверное там есть такие. Но что это меняет? Оказывается, так бывает.

Недавно в сети наткнулся на выжимку из справочника «Военные конфликты, кампании и боевые действия русских войск 860–1914 гг.». Если добавить сюда несколько десятков войн и конфликтов за последнее столетие, то общее их число уверенно переваливает за тысячу. По случаю возник вполне ожидаемый вопрос: кто в этих войнах и конфликтах первым начинал стрелять? Не на всю тысячелетнюю глубину вопрос, разумеется. Без политической и ситуационной оценки. Так, крест-накрест, поверхностно. Результат получился совсем обескураживающим. Многие знания – многие печали (банальность от Экклесиаста). Это то самое знание, да даже просто мысль о существовании такого знания, которые опасны. Почему и зачем?

А вот абзац из моих воспоминаний: «...Год назад в подготовленных им к уничтожению старых книгах я увидел «Краткие биографии революционных деятелей России» двадцать девятого года издания и с удивлением для себя обнаружил там исключительно еврейские фамилии и имена на полутысяче страниц убористого текста, где каждая биография занимала не более половины страницы. Пришлось переосмысливать историю заново. От каких же случайностей зависит наше мировоззрение!» Действительно, от каких же случайностей оно зависит! А почему?

Наша история как наука характерна тем, что именно как наука она недоступна познанию. Как инструмент пропаганды – да. Как шоу – да. Как наука – нет. Все ключевые исторические факты в виде документов закрыты в архивах, доступ к которым невозможен. Не ключевые – тоже. В результате мы не сомневаемся, что радио изобрел Попов, АК – детище сержанта Калашникова, Харитон первым создал атомную бомбу, политрук Клочков действительно произнес свою знаменитую фразу... И дело не в том, правда это или нет, а в том, что мы не сомневаемся. Нам преподносится не история, а трактование комментариев к слухам о фактах теми, кому дозволено трактовать эти комментарии, сделанные теми, кому дозволено комментировать. Это, конечно, стеб. Можно, наверно, оглянуться назад и проследить шаг за шагом, как сформировался такой взгляд на жизнь, однако выделю лишь два момента.

Первый - это когда в конце восьмидесятых - начале девяностых прошлого века доказательно ниспровергли добрую половину из того представления о мироздании, что было основополагающим и незыблемым. В результате в нас неизбежно сформировалось скептическое отношение и к оставшейся половине.

Второй – это 2014 год. Олимпиада. Как я был восхищен! Красиво, мощно. И целый город построили, и снег создали. И бог с ними, не до конца раскрывшимися звездными кластерами – мелкие недочеты лишь придают жизненности грандиозному событию. А очень разновысокие, но одинаково знаменитые и ослепительно красивые факелоносцы – не говорит ли это о диапазоне и масштабе чувства прекрасного у организаторов торжества? Триггер сработал чуть позже: медальный звездопад. Кто хоть раз садился в седло спортивного велосипеда, настраивался оторвать от помоста железный лом с упаковкой (да хоть парой!) стальных блинов по концам, зашнуровывал перед стартом шиповки, тот руками, ногами, ягодицами, головой – всем своим Я знает, что если одиннадцать секунд это его физиологический потолок на стометровке, то пробежать за восемь он не сможет ни за что и никогда, ни сейчас, ни потом. А здесь – сколько угодно. А потом объявился этот беглый провизор. А потом поумирали его замы. И щелкнуло, сложилась окончательная картина, которая пиксель к пикселю - не придерешься - вобрала в себя всё. Сложилась и распалась в прах. Не на молекулы, на атомы. Навсегда. Ложь не выживает и хоронит под собой всё, включая репутацию... Но это я забежал далеко вперед.

...Помню, когда я учился на первом-втором курсах КазПТИ, мы частенько спускались по улице Масанчи (в Алма-Ате направления большей частью сориентированы не по частям света, а вверх-вниз) от Политеха к проспекту Абая. И нередко видели на одной из скамеек худого патлатого молодого, немного старше нас, казаха. Был он в потертых фирменных джинсах (вещь совершенно для нас недоступная), модном трикотажном японском пуловере и мокасинах. Сидел он обычно на спинке скамейки, то пристроив лицо между большими ладонями, то опершись подбородком на собранные в замок кисти рук, провожая время от времени прохожих отсутствующим взглядом. На скамейке обычно стояла полупустая открытая бутылка чего-то. Прохожие смотрели на него с интересом и уважением, милицейские парные наряды его не беспокоили (учитывая ноги на скамейке, патлы, бутылку - вещь неслыханная), а порой и уважительно козыряли. Да и кто ж его побеспокоит? Олжас Сулейменов, известный, знаменитый даже, поэт. Не берусь сейчас оценивать его творчество, но тогда мы зачитывались его стихами. Был у меня его сборник «Доброе время восхода». Но я о другом.

В 75-м, по-моему, году Олжас опубликовал «Аз и Я». Там на основе «Слова о Полку Игореве» он изложил свой взгляд на истоки русского языка. Взгляд, как я

понимаю, довольно спорный, но никак не дилетантский: он литературовед, Литинститут за плечами и, что важно, писал и разговаривал он на русском, это его основной язык. Замечу здесь в порядке очередного отступления, что именно на стыке культур, как и на стыке наук, возникают нередко предпосылки для свежего взгляда на суть вещей. А что может быть более плодотворным?

Возвращаюсь: понятно, в ученой среде возникли возражения, подкрепленные обстоятельными аргументами. Понятно и единственно правильно: есть мнение – доказывай. Но наверху решили проще: человеку выдали волчий билет. Следующие восемь лет он не публиковался.

Имеет это отношение к истории? По-моему, да. Кстати, нынешний тренд – это тенденция, если перевести на чуть более ранний русский язык (это снова стеб) – к законодательному искоренению из русского языка всего не исконного, то – доводя идею до крайности – изъятие монголизмов, тюркизмов, галлицизмов, германизмов и, наконец, англизмов, может привести к ситуации, когда кроме «паки-паки» и «иже херувимы» (Цит.: режиссер Якин) нечего будет сказать любимой девушке в ответственный момент. Не то чтобы это обрекало носителей языка на вымирание, но определенные проблемы может создать.

Когда я только-только защитился (начало восьмидесятых прошлого века), у меня был товарищ из нашего алматинского нархоза. Он заканчивал написание диссертации по демографической статистике. Я как-то спросил его по случаю, почему так медленно продвигается его работа.

-«Секретность. Ты, когда статью в редакцию сдаешь, в своем первом отделе автоматически галочку получаешь – и вперед. Меня же проверяют по полгода в местном управлении КГБ. А то и республиканском».

-«Что там секретного?».

-«Ты что?! А если я где-то реальные цифры смертности-рождаемости или темп роста ВВП выболтаю?! Посадят сразу и надолго. Подписку ведь давал».

-«А в КГБ эти цифры кто-то знает?»

-«Нет конечно. Откуда? Их никто не знает»

-«А как проверяют?»

-«Так потому и долго. Сидим с куратором друг против друга, он мне пристально в глаза смотрит: можно уже верить или нет. Потом расходимся. Он, полагаю, звонит в госплан, госстат, райком, горком... Потом опять сидим друг против друга. Ничего, эта статья последняя. Больше для диссертации не нужно».

-«Зато потом ты свободен, как птица!»

-«Если не принимать в расчет пятилетней подписки о невыезде из страны и бессрочной о неразглашении».

Это, конечно, не история как наука. На тот момент. Теперь уже, пожалуй, история. А подписка-то бессрочная.

История – это та скрепа (сколько посконно-сермяжного можно при нужде отыскать по ларям да киотам), которая делает группу людей народом, нацией. И преподносить её нужно такой, какая она есть. Ничего плохого с нами не случится, если будем знать правду. Тогда будет понятно, чем гордиться, а что нужно исправлять. Ведь есть и то и другое. И то и другое, кстати, объединяет людей в народ. У Экклесиаста есть серьезное умозаключение: «Бывшее нельзя сделать не бывшим». Это к тому, что даже высшим силам это неподвластно.

Об армии

Армия – это на первый взгляд неожиданный для меня предмет для обсуждения. Но мы же и не обсуждаем. Просто делюсь взглядами на жизнь. Действительную я не служил (только в запасе), но так уж случилось, что армия это серьезная часть моей жизни. Я родился в семье кадрового военного. Всё мое детство прошло в самых дальних гарнизонах. Как писал твой прадед, от южных берегов Северного Ледовитого океана до северных берегов Каракумского канала. А детство – это база для формирования мировоззрения. Меня всегда окружали люди в форме, солдаты и офицеры – сослуживцы и товарищи отца, многие из них фронтовики той войны. Ну и их дети – друзья моего детства. Авторота в инжбате – место для времяпрепровождения. Запах солянки и промасленной ветоши. На морозе – это особый запах. ЗиС-5, 150 и 151, МАЗ-200 и 205, ЯАЗ-210, ГАЗ-67 и 69... ДТ-54 и С-80... Кто теперь помнит это автотракторное хозяйство? А я помню. А замечательные останки самолетов (порезанные Ил-28, как говорили офицеры) на заброшенном грунтовом аэродроме на плоской сопке, возвышающейся над нашим военным поселком в Шонгуе! А настоящие снаряды от пушки этого самого Ил-28! Позеленевшая гильза, пупырчатая, как будто склеенная из дробинки, боевая часть с чем-то, похожим на капсулу спереди. Сейчас понимаю, что оболочка ее истлела, потому и выглядела, как склеенная из дробинки большая пуля... Опасались, но в костер иногда подбрасывали. Не помню, чтобы хоть раз взорвалась. Обошлось. А замечательная, но очень тогда тяжелая ТОЗ-8 с диоптрическим прицелом; пачки патронов 5,6 мм в белье в шкафу в каждой офицерской семье... Да и какие еще развлечения в забытом богом гарнизоне на Кольском полуострове. Грибы, ягоды, рыбалка... Рыбалка там, конечно,

фантастическая! После нее никакая другая рыбалка уже не привлекала. А возможно, это просто детство. Было и нет.

Но об армии. Я знал и любил всех этих людей, офицеров-сослуживцев отца. И то, чем они занимались, казалось мне естественным и очевидным. Хотя становиться военным я не собирался. Наверное, отец как-то управлял этим. Ни одного слова по этому поводу, как я сейчас себе представляю, не было сказано напрямую. Просто он приносил мне какие-то книги, которые формировали в сознании что-то другое. Другую цель. И это не была армия. Впрочем, книг было так много, что если они и оказали какое-то влияние, то, скорее всего, в виде стихийной равнодействующей всех отдельных влияний. Всё это, дорогой внук, написано в воспоминаниях твоих прадеда и деда. Прочти.

Как-то всё это во мне эволюционировало, и в конце концов исподволь замаячил банальный вопрос: чем армия занята? Разумеется, вопрос этот касался моей родной советской армии, все остальные армии мира угрожали и были агрессорами. Внутренний отклик оказался странным. В понятных итоговых образах это выглядит как-то так: Вся история живого мира, потом животного мира, потом человечества состоит из «Это моё!», - «Нет, моё!». Во исполнение этого двуединого посыла человечеством создано орудие - армия. Самое бесполезное из того, что человечеством создано. Более бесполезное даже, чем правоохранители, поскольку последнее – это институт вторичный, нарост, отражение другого, самостоятельного, института – криминала. Исчезнет криминал – исчезнет правоохранитель (ну, разве что светофоры ремонтировать пара мобильных групп останется). А поскольку криминал не исчезнет никогда – природа человека такая – пальцы к себе, то и правоохранитель вечен.

Совсем короткое отступление, раз уж к слову пришлось, по поводу моего отношения к правоохранителю как институту. На протяжении долгой уже жизни доводилось соприкасаться несколько раз. Общее ощущение? Кое-что об этом есть в воспоминаниях:

<https://yurbor.wixsite.com/orthogrammer/yunost-shkola>

Доходчиво высказался как-то мой добрый алматинский приятель, на тот момент полицейский начальник в хороших чинах: «Никогда не обращай ни с чем к нашим орлам. Увидел наряд, тихо и молча пройди мимо. Не вздумай сворачивать, у них рефлекс. Ну разве только если тебя убивают. Да и то не факт. Там, может, и не убьют, а здесь ты гарантированно будешь в реестре. И не важно, в каком качестве. Лист ожидания. Никто не знает, когда, кому и зачем понадобится фамилия на твою букву, некрупный интеллигент-очкарик, да мало ли... Незакрытых дел море. По любому поводу и с любым набором фигурантов...

Молча и тихо мимо. А лучше не встречайся». Что сказать? Нет у меня никаких оснований оценивать это по-другому.

Но об армии. Чем она занята? Правильно, находится в готовности. Иногда на протяжении целой человеческой жизни. При этом потребляет до трети того, что сделано нашими руками и головами. Кто из нас получает такое (да хоть какое-нибудь) вознаграждение за то, что находится в готовности? Правильно, никто.

Время от времени армия, чтобы напомнить о своей необходимости, произносит: «Это моё!» и устремляется это обосновывать. Потом кто-то получает извещение вроде этого: «...Сотник Владимир погиб в неравном бою 7 февраля 2018 года, в районе сирийского Дейр-эз-Зора. Погиб, героически защищая на дальних подступах нашу Родину от нашествия обезумевших варваров...» (можешь проверить). Не дичь?..

Это не о конкретной армии. Россия, США, Китай, Израиль, Саудовская Аравия – какая разница. Это об армии как институте. Треть наших усилий уходит на то, чтобы кто-то более или менее гордо мог сказать: «Это моё!». И менее или более гордо топнуть ногой в ответ: «Нет, моё!». Армия бесполезна и бессмысленна, но, увы, неизбежна. Так устроен мир. Вопрос: не заняться ли переустройством? И не нужно торопиться с обвинением в наивности. Конечно, принимаемая здесь за основу природа человека «пальцы к себе» (об этом раньше сказано) оставляет мало надежды на избежание конфликта интересов при оценке «моё-моё». Но проблема есть, её нужно решать. А трассировка, разметка крайних, даже абсурдных, границ при постановке задачи – вполне эффективный метод её решения. Научный метод.

В общем, мой взгляд на жизнь – он такой. Понятно, мне сейчас объективно проще. В молодости, если сформулировал такую жизненную позицию, нужно заниматься её реализацией. Поневоле сразу задумаешься, стоит ли овчинка выделки. А с возрастом это приобретает скорее философский и созерцательный окрас: ну-ну...

О деньгах

Деньги интересный объект для обдумывания и понимания.

1 января 1961 года в Союзе случилась денежная реформа: старые деньги поменяли на новые в соотношении 10:1 с соответствующим изменением цен, зарплат, пенсий... всего. Помню, как я ходил в далекую единственную на весь Шонгуй сберкасса и менял выданные мне мамой старые рубли на новые. Очень хотелось стать обладателем символа перемен. Незадолго до 1 января пояснили,

что монеты достоинством в 1 копейку (потом обнаружилось, что и 2 и 3 копейки тоже) остаются в обращении по номиналу, то есть сразу набирают десятикратный вес. Это вызвало серьезное оживление в монетарной жизни поселка: медяки исчезли из обращения. Мне удалось собрать копеек пятьдесят по одной и первого января с утра я побежал в поселковый магазин на другом берегу реки проверить, как обстоят дела. Одинокaя продавщица как раз переписывала химическим карандашом ценники и подтвердила буднично, что всё так и есть, что на пятьдесят копеек сегодня можно купить столько, сколько на пять рублей вчера. Покупать там было особенно нечего, да мне и не нужно было ничего. Но сам факт, что за одну ночь может произойти волшебство (так это воспринималось), а ключ к этому волшебству – вот он, пригоршня мелких бурых монеток, отложился в сознании.

Деньги... Технически это средство расчета за товары и услуги, универсальный эквивалент стоимости последних. Банально и известно. Но это не всё, это функция. В Союзе в нас культивировали ментальное ядро: деньги – это субстанция аморальная, хотя и неизбежная. Или неизбежная, но аморальная. Акцент всё-таки на «аморальная». Ядро эволюционировало в метастазу, и в той части социума, в который выродился Союз, представление об аморальности денег в значительной мере сохранилось надолго. Хотя, понятно, время свое берет.

У денег есть базовый атрибут, это объективный показатель того, что я собой представляю, что я стою. Я о тех деньгах, что оказались в кармане вследствие моей деятельности. Трочу себя – получаю деньги как возмещение затрат. И в этот момент деньги становятся для меня тем самым универсальным эквивалентом. В общем, вывод такой: деньги – это моя (твоя, его) затраченная/израсходованная жизнь. Именно по этому утверждению били те самые идеологи-моралисты: Деньги – это жизнь для тебя?! Да ты стяжатель! В этой морализации всё поставлено с ног на голову, умышленная целенаправленная инверсия. А ведь это на самом деле моя жизнь, та что за спиной, естественным образом и неизбежно превращенная мной в те самые деньги. Такова их цена: моя (твоя, его) жизнь. А по поводу моралистов... Вот определение морали от Быкова: «Мораль – это тот кодекс поведения, который придумывает человек, чтобы поставить себя над окружающими». В этом частном случае трудно возразить. В других – не знаю, надо изучать.

Ты, я полагаю, воспринимаешь феномен «деньги» полнее и яснее, чем я в твоём возрасте. Сейчас, слава богу, другая эпоха. Это не к тому, что деньги теперь предмет поклонения, обожествления. Это каждый ранжирует сам. Я имею в виду, что всякая сторонняя оценка твоего отношения к деньгам сейчас

естественным образом является поводом для единственно правильной, на мой взгляд, реакции: Что той самой стороне от тебя нужно?

Когда я только-только перебрался в Израиль, меня корбило от того, как часто оседает здесь в ушах: «Шекель, шекель, шекель...» Аморально же. Сейчас (три десятка лет прошло) понимание появилось. Хотя на эмоциональном уровне поживание осталось.

Мои взаимоотношения с деньгами никогда не были очень сбалансированными. Это следствие как семейного, так и социального воспитания. О влиянии социума я уже упомянул. А семья... Я рос в семье военного. Хорошая офицерская зарплата. Я, кстати, сравнился моими доходами с пенсией (пенсией!) отца, когда стал доцентом, деканом факультета и оброс всякими надбавками и полуставками за научно-прикладные хоздоговорные работы. Детство в материальном смысле было вполне обеспеченным. Нужно принять во внимание, что детство это прошло в краях, где верхом благополучия являлись спиннинг из клееного бамбука, хелюльские (с елочками) лыжи с жесткими креплениями, да набор для ныряния: маска, ласты, дыхательная трубка. И слава богу! Тяга к стяжательству не сформировалась. Сформировалось, правда, отношение к материальному благополучию (читай – деньгам) как к чему-то естественному, от природы. Всё перечисленное у меня было. В отличие от большинства моих тогдашних одноклассников. Их, одноклассников, было не очень много. Жили мы там, где термин «человеиник» родиться не мог по естественным причинам. И кстати, на реке Кола тогда (сейчас вряд ли) больше всего ценился метровой длины спиннинг, изготовленный из спортивной рапиры (его проще спрятать от рыбнадзора за голенище болотного сапога), да самодельная тяжелая блесна из рефлектора прожектора ПВО - трехмиллиметровая медь с аппетитным зеркальным хромовым покрытием. И набор для ныряния в той самой реке Кола использовать не удалось по-настоящему ни разу. А жаль, вода там наипрозрачайшая. Если не на перекатах, конечно, здесь вихри, вихри, вихри. Просто в начале мая ещё льдины плывут, а в июле в воде плюс двенадцать-четырнадцать. Купались, конечно. Но кейфовать в таких условиях в полете над каменистым дном в маске и ластах – это мазохизм, детям не свойственный. Да и трубку заливает, пробовал как-то. К чести своей отмечу, что хелюльские не лежали без дела. Когда мой товарищ Вова обогнал меня на школьных соревнованиях на своих простеньких солдатских лыжах, я напрягся очень и выиграл у него на каких-то серьезных по тогдашним меркам соревнованиях – 3 км, как сейчас помню. На второй юношеский тогда набегал. А был это пятый класс. Потом увидел у соседского взрослого парня Павла перламутровые Ярвинен, затосковал по недостижаемому. А потом мы с Кольского полуострова

передислоцировались в Кашкадарьинскую область Узбекистана, и я отстегнул лыжи практически навсегда. Увы.

Этот длинный пассаж – он о том, каким образом возник в семье этот самый относительный достаток. Родители положили (или разменяли) на это свою жизнь. Ни больше, ни меньше. Красная Ляга, Исакогорка, 5-ОЛП, Титан, Зашеек, Шонгуй... Да хоть Карши с его Ханабадом! Что это?! Молодые, красивые, сильные, образованные по самое-самое! За что? Какого черта?!. Это мой нынешний взгляд. В ту пору я это воспринимал это как естественный ход вещей. Всё это ты можешь прочитать в воспоминаниях твоего прадеда. Да и моих тоже. Есть смысл. Это история твоей семьи. Повторяюсь, однако.

Что из этого получилось? У меня в жизни была объективно хорошая стартовая позиция. Мог позволить себе заниматься тем, что мне интересно. У тебя, кстати, тоже только на более солидном уровне. Эволюция. Цени и оправдывай. Перед самим собой, разумеется. Я ценил. Не сразу. Но когда увидел и осознал, что многие из моих однокашников таких стартовых позиций не имели, оценил. Проникся, кстати, к этим моим дорогим однокашникам (многих уже нет) глубоким осознанным уважением.

Посмотри на своего отца. Это мой сын. Я его бесконечно люблю и глубоко уважаю. Впрочем, здесь тебе всё с детства знакомо. Просто взгляни на это с позиции обсуждаемой здесь темы.

Сейчас мне серьезно за семьдесят. Я продолжаю работать, слава богу. Как-то объединились в одном русле интерес к работе и возможность зарабатывать на жизнь. Можно взглянуть через другой фильтр. Получится: «привычка пахать (это, похоже, наследственное) и страх перед безденежьем». Истина где-то посередине. Или скорее покрывает оба трактования.

Это всё к чему? Деньги это не самоцель. Деньги – это эквивалент свободы. В той мере, в какой это необходимо, чтобы посвятить себя тому, что тебе интересно. Так их и нужно воспринимать. А если у кого-то со стороны другой взгляд на твоё отношение к деньгам, то, как я уже сказал, есть повод задуматься, Что Ему от Тебя Нужно?

О поддержании физической формы

В здоровом теле здоровый дух. Утверждение логичное, банальное, статистически вполне верное. Годится, на мой взгляд, и для случая, когда под здоровым духом подразумевается мозговая активность. Не знаю, стопроцентно это утверждение или нет. По себе судить не берусь: как можно сравнивать то, что

есть, с тем, что могло быть в не реализовавшихся обстоятельствах? Думаю, однако, что системная физическая нагрузка позволила мне сохранить работоспособность до сих немалых пор. Бли-аин-а-ра, как говорят здесь. Чтоб не сглазить, если по-нашему. Системная – это ежедневная без выходных и праздников и на протяжении многих-многих лет. Работоспособность здесь – это то, за что в итоге платят зарплату. Хотя, положила руку на сердце, и нагрузка эта осточертела сразу, да и мотивация, как порой приходит в голову, выглядит не в последнюю очередь как «А кто поможет, случись что-нибудь? Нет ведь никого ни вокруг, ни рядом». Разумеется, это не так. Но эмоции иррациональны, увы. Зато бодрит. Семейный врач сказал мне как-то: «Системная физическая нагрузка на протяжении жизни эту жизнь не удлинит, это заблуждение, но качество её улучшит». Скорее всего, так оно и есть.

Есть здесь одно ключевое обстоятельство. Пока ты молод и силен, всё, сказанное выше, это пустой звук. И хотя и говорят, что начинать никогда не поздно, но лучше всё-таки не упустить момент, когда пора начинать. Это особенно важно для того, кто в юности и молодости имел отношение к серьезному спорту. Я имел, не буду углубляться. Где-то даже поверхностно поделился:

<https://yurbor.wixsite.com/orthogrammer/yunost-institut>

И знаю, что потом долго-долго кажется, что ты бесконечно силен и вынослив. Надо просто вовремя увидеть себя в зеркале. Там всё без обмана. Только в крайность бросаться не нужно: то, что ушло, ушло. Я хорошо помню свои ощущения, когда на двадцатипятикилометровой разделке выехал из тридцати четырех с половиной минут (мастерский норматив был тридцать пять). Меня из седла вынимали. И хорошо понимаю и чувствую, когда смотрю Евроспорт, что такое средняя скорость за сорок три на двухсоткилометровом маршруте. Ну да, это Тур де Франс, а не первенство республики. Это групповая гонка, а не индивидуальная. Это до микрона и миллиграмма эргономичный Канондейл ценой в хороший автомобиль, а не харьковский «Чемпион шоссе» (очень приличный, кстати). Но понимаю и чувствую. И сожаления, что что-то не доделал, нет. Кесарю кесарево.

Впрочем, ты взрослый. Профессиональный спорт это тяжелая и неблагодарная работа. Я не о нем, конечно. Да вопрос так и не стоит, к слову пришлось. Если будешь поддерживать физическую форму, это принесет плоды. Какие? Никогда не узнаешь, сравнивать не с чем. Какие нагрузки? Это вопрос... Мой подход: сначала максимум, завтра добавь, потом еще добавь. Когда почувствуешь, что добавить уже не можешь, зафиксируй это как норму. Остальное жизнь покажет. Главное, не останавливайся. Возобновить сложнее,

чем продолжать. Если вообще возможно. Этот максимум, кстати, хороший индикатор: если уже не можешь, значит, организм деградирует. Увы, наступает и такой момент. Тебе этот сюжет оценивать рано.

Ну вот. Писал понемногу. Написал. Пролистал, самому стало интересно, что я считаю важным. Получается, что и интересы мои сосредоточены главным образом в профессии (слава богу, она вполне объемная), и самое чувствительное для меня это «там» и «здесь». Что ж, это не хорошо и не плохо, так жизнь сложилась. Во всяком случае, это именно та позиция, взглядом на жизнь с которой я собирался с тобой поделиться. Значит, всё ок.

Всё ли сказал, что мог? Нет, конечно. Всё ли сказал, что хотел? Вряд ли. Когда начинаешь, есть емкий, но не очень конкретный эмоциональный заряд, когда заканчиваешь, остается ощущение незавершенности. Тем более, после прочтения написанного. Об этом я говорил, когда начинал. Ладно, будет что обсудить при встрече.

О чем не сказал? Старался не касаться того, что очевидно не удалось самому. Такого немало. Мог бы, конечно, проанализировать это и посоветовать, мол, так не надо. Но это в чистом виде нравоучение. Пользы от него ноль. Это тоже оговаривалось в начале.

В общем, надеюсь, прочитал. Я бы прочитал. Это же мы, семья.

Будь успешен, мой родной. Будь счастлив. Не надо «Делай, как я». Делай, как ты.

Жму руку.

Дед.